

ЗВЕЗДЫ РОМАНТИЧЕСКОГО
ФЭНТЕЗИ

АЛЕКСАНДРА ЛИСИНА

БАС
ЛЮБИМИЦА ИЛЛАРИ

Александра Лисина
Бас. Любимица Иллари
Серия «Звезды
романтического фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34643654

Бас. Любимица Иллари : [роман] / Александра Лисина: АСТ; Москва;

2021

ISBN 978-5-17-122108-9

Аннотация

Испокон веков между оборотнями кошачьего и волчьего кланов царит если не открытая вражда, то стойкая неприязнь. У них разные традиции, различные взгляды на жизнь, и даже их боги-покровители далеко не всегда ладят друг с другом. Однако, когда один из волков дает обет служения кошачьей богине в обмен на помощь в порученном ему деле, Бас, чистокровной кошке, приходится взять на себя данное богиней обещание. К чему это приведет? Одна луноликая Иллари знает. Но не зря говорят, что пути богов неисповедимы. И то, что поначалу кажется наказанием, однажды может превратиться в победу, разделенную на двоих.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	52
Глава 5	69
Глава 6	88
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Александра Лисина

Бас. Любимица Иллари

Пролог

Не будите кошку спозаранку – первое правило, которое следует усвоить всем, кто не хочет остаться без головы. Но один самоубийца в моем окружении все-таки нашелся, да еще рискнул стащить с меня одеяло, когда на улице даже толком не рассвело.

– Бас... родная, просыпайся, – интимно прошептал хрипловатый мужской голос. Жаль, что его обладатель мудро остался вне досягаемости моих длинных и временами когтистых рук. – Ба-а-ас... открой глаза, ты нужна мне для очень важного дела-а.

– Иди в бездну, Ниал! – рыкнула я, сворачиваясь клубком и не намереваясь вставать раньше полудня. Но «самоубийца» не ушел. Более того, взял гусиное перышко и принялся легонько щекотать мои голые пятки. Долго так, настойчиво...

Я сперва поджала ноги под себя. Затем уползла на другой край кровати. Лягнулась. Снова рыкнула. А когда стало ясно, что от меня не отстанут, неохотно села и, откинув с лица растрепанную черную челку, мрачно уставилась на стоящего

в дверях негодая.

– Ниал, ты рискуешь остаться без хвоста!

– Прости, моя прекрасная леди, но дело не терпит отлагательств, – повинился «самоубийца», смиренно склоняя бритую голову и молитвенно складывая руки на груди. Из одежды на нем были только свободные шелковые шаровары и длинная, доходящая до колен, бесстыдно распахнутая спереди белоснежная туника, которая открывала прекрасный вид на широкую, лишенную всякой растительности грудь и подтянутый живот.

Гость был уже немолод, но все еще силен, на редкость хорош собой и весьма искусен в любовных играх. А еще он был оборотнем. Если точнее, котом. Горным. Высоким, смуглокожим, мускулистым и весьма соблазнительно смотрящимся в небрежно наброшенном на плечи жреческом одеянии.

Раздетым он, правда, нравился мне гораздо больше, но, видимо, в храме и впрямь случилось нечто из ряда вон выходящее, раз его настоятель не только вырядился в торжественные белые одежды, но и посмел разбудить меня раньше времени.

– Ты позволишь? – едва заметно улыбнулся Ниал, и в его руках, как по мановению волшебной палочки, появился такой же шелковый, только черный с золотым шитьем, халат.

Я пригладила короткие волосы и вздохнула.

Ночь без преувеличения была великолепной. Как и предыдущие сто ночей, которые я провела в этой постели и

именно с этим мужчиной. Ниал оказался хорош во всем – страстный, гибкий, выносливый... жаль, конечно, что надолго выходить за пределы храма ему не позволено. Но, на его счастье, соблюдать целибат богиня Кхеметт¹ своих служителей не обязывала, так что, оставаясь преданным ее жрецом, Ниал не был лишен радостей жизни. И я этим нагло пользовалась.

– Что случилось? – проворчала я, неохотно выбираясь из постели и поворачиваясь спиной, чтобы любовник мог набросить халат.

– У нас гости, – кратко сообщил жрец. – Они пришли к богине за помощью.

– Ну и ладно. Мне-то какое дело?

– Они очень настойчивы.

– Ну и пусть настаивают дальше, – нахмурилась я, запахивая полы халата и поворачиваясь к жрецу. – Неужто ты только из-за них разбудил меня посреди ночи?

– На этот раз у нас непростые гости, Бас, – тихо сообщил Ниал, отводя глаза. – Сегодня в храм нагрянули волки. И я думаю, тебе стоит на них посмотреть.

¹ С языка друидов переводится как «свет луны». (Здесь и далее прим. авт.)

Глава 1

Волки... Не могу сказать, что наши виды открыто враждуют, но все же лохматые – довольно сложное в общении племя. Они гораздо сильнее, крупнее и агрессивнее нас. Предпочитают держаться вместе, тогда как мы по натуре одиночки. Живут чаще стаями: либо с себе подобными, либо с людьми, которых тоже иногда признают за членов стаи. Бесконечно с кем-то воюют. Куда-то стремятся, спешат, суеются. Испокон веков испытывают тягу к всевозможным железкам, весьма неплохо умеют с ними управляться. Соответственно, слывут прекрасными воинами, и если кому-то служат, то служат на совесть. В том числе и поэтому в людских землях волков ценят выше нас.

Конечно, нельзя утверждать, что они – полная наша противоположность, но мы действительно очень разные. И лично я не люблю волков. А уж в храме исконно нашей богини делать им совершенно нечего.

Прошлепав босыми ногами по каменному полу, я выбралась из комнаты и следом за Ниалом потопала в сторону главного зала.

В королевстве Арания, а точнее, в ее столице, куда меня занесло три с небольшим месяца назад, храм богини Кхеметт был один-единственный. Да и вообще в мире, который мы называли Оллор, их было построено очень немного. Не

такая уж значимая наша Кхеметт, чтобы в каждом населенном пункте ей отстраивали по святилищу, как, скажем, верховной богине Иллари или ее божественному супругу Роттару. Если уж совсем точно, то Кхеметт относили к категории младших богов. Зато она была единственной в своем роде. Богиня-кошка. И именно поэтому волкам было делать нечего возле ее алтаря.

Главный зал встретил нас тишиной и прохладой. Он был не очень велик – всего-то с купальню зажиточного купца. Довольно скромно отделан. Погружен в вечный полумрак. И лишь две полыхающие огнем чаши у входа освещали стоящую в центре статую величественной и прекрасной Кхеметт.

Впрочем, прекрасной ее называли исключительно жрецы и те, кто ей поклонялся, а остальные обращались просто по имени. Это, к слову, не возбранялось – наши боги не требовали особых почестей и спокойно относились к вопросу чужих предпочтений. Хочешь – поклоняйся одному богу. Хочешь – сразу десяти. А хочешь – ни в кого не верь и барахтайся по жизни самостоятельно, надеясь исключительно на свои силы.

Так вот, Кхеметт...

Остановившись при входе, я окинула статую быстрым взглядом и мысленно вздохнула.

Сколько раз тут бывала, но внешний вид богини и сейчас вызывал у меня противоречивые чувства. Ростом почти до потолка и изваянная из черного камня, Кхеметт выглядела

как женщина, к плечам которой кто-то из озорства приделал кошачью голову. Стройное женское тело – и вдруг звериная морда с торчащими на макушке треугольными ушками. Изящная фигура, а сверху – пуговка звериного носа и длинные кошачьи усы. Понятно, что люди пытались изобразить Кхеметт сразу в двух ипостасях, но все же было в этом что-то неестественное. Порой даже пугающее. Как по мне, лучше бы ей нарисовали два лица, по одному на каждую ипостась, но народу, как ни странно, нравилось. К тому же тщательно отполированный камень придавал статуе загадочный блеск. В золотых глазах играли блики от зажженных неподалеку чаш. Обведенные такими же золотыми линиями губы были плотно сомкнуты и казались поджатыми... но это сейчас, в темноте. А поутру, когда на них попадали первые солнечные лучи, игра света и тени создавала весьма правдоподобную иллюзию усмешки.

М-да. Но такова уж наша кошачья натура: коварная, двойственная и многим непонятная. И такова же кошачья богиня – милосердная и одновременно жестокая, своенравная и непостоянная, как море.

У подножия статуи, как и сказал Ниал, стояли гости. Трое оборотней в дорожной одежде, при виде которых мне захотелось скривиться. Двое волков постарше и, судя по густым пепельно-серым гривам, из породы лесных. Третий, помельче и помоложе, с явственной рыжиной в коротких вьющихся волосах – это однозначно степной. Лидер боевой тройки –

проще говоря, вожак в этой маленькой стае – стоял на полшага ближе к изваянию и в этот самый момент очень внимательно его изучал. Но стоило нам с Ниалом появиться на пороге, как он тут же повернул голову и втянул ноздрями сухой воздух.

«Ого. Ка-а-акой самец», – мельком отметила про себя я, в свою очередь рассматривая насторожившегося волка.

Лет сорока, в самом расцвете сил, рослый и широкоплечий, он и впрямь производил впечатление. Его длинные волосы серебрились в полумраке ранней сединой и были стянуты на затылке в хвост, открывая могучую шею. Кожа в уголках глаз собралась в едва заметные морщинки, когда оборотень оценивающе прищурился. Тонкие губы при виде меня неприязненно поджались. Однако бесстрастное выражение на неподвижном, словно вырубленном из камня лице ничуть не поменялось, когда я бесшумно шагнула в его сторону, а полы моего халата с готовностью разошлись, ненароком продемонстрировав всем присутствующим полоску обнаженной кожи.

Ну да, полоска оказалась довольно большой. Считай, от шеи до самого паха, едва прикрытого двумя ленточками шелкового пояска. Да еще и бедро оголилось. Сперва одно, затем другое, показывая замершим волкам все то, что не так давно имел счастье лицезреть насмешливо хмыкнувший за моей спиной кошка. Неудивительно, что молоденький степной отчетливо побагровел, а лесной, который вто-

рой, коротко стриженный, с ухоженной бородкой, неодобрительно фыркнул.

Но мне было наплевать. Стесняться себя и других я разучилась так давно, что этого уже даже не помню. А стыдиться тут и вовсе было нечего. Красивое тело – повод для гордости, а не для смущения. Так что пускай смотрят. Хотя для таких поборников морали, как лохматые, мое появление было не столько вызовом, сколько оскорблением.

Когда мы подошли, на хищной физиономии вожака не дрогнул ни один мускул, и ничто в его облике не показало, насколько неприятна ему моя выходка. Возвышаясь над нами почти на голову, он казался огромной скалой, готовой вот-вот обрушиться на мою растрепанную макушку. А глаза у него оказались светло-серыми. Внимательными. И с какими-то подозрительными огнями в глубине.

– Что привело вас в обитель богини? – мягко поинтересовался Ниал, остановившись по правую руку от меня.

Вожак молча протянул запечатанный сургучом свиток.

Жрец без особых угрызений совести сломал печать, развернул свиток и, пробежавшись по нему глазами, хмыкнул:

– Неожиданно... чтобы владыка Эйлинон вдруг решил попросить о помощи?

Я наострила уши.

Это что же, посланники от друидов пожаловали? Сами «зеленые» из северных лесов вылезать не любили, а вот наемников с поручением отправить очень даже могли. Это, в

свою очередь, означало, что какая бы проблема у них ни возникла, она была довольно серьезна, раз владыка рискнул написать. Но являлась не настолько грандиозной, чтобы кто-то из его драгоценных подданных утруждал ножки, добираясь через полстраны до столицы Арании – Арги.

– И что же вы от нас хотите? – перечитав послание дважды, поднял глаза от свитка Ниал.

Сероглазый вожак едва заметно скривился:

– Хотим не мы, а тот, кому мы служим.

– И правда, – снова усмехнулся Ниал. – Чего это я глупость сморозил... значит, вам нужен кто-то из баскхов²?

– Нам нужен тот, кто носит имя Бас, – ровно отозвался волк. – Ради этого разумного мы проехали через полстраны. И по-моему, владыка изложил свое пожелание достаточно четко, чтобы у вас не возникло дополнительных вопросов.

Надо же, какой колючий. Прямо и пошутить нельзя. Интересно, зачем я понадобилась Эйлинону?

– Читай, – словно услышав мои мысли, бросил жрец и под напряженными взглядами волков протянул злополучный свиток мне. Нимало не смутившись, я лихо его развернула и, пробежав глазами, фыркнула:

– Фу... как официально и скучно. Мог бы и расщедриться на парочку комплиментов. Да еще эти гнусные намеки на наше давнее сотрудничество... По-моему, они граничат с наглостью, Ниал. Имей в виду, я не собираюсь никуда ехать! Я

² Один из видов оборотней-кошек.

всего три месяца как осела в столице и в ближайший год не планирую отсюда сниматься.

Волки одновременно дернулись, начав догадываться, кого именно должны сопровождать в северные леса, а жрец со вздохом повернулся:

– Прекрасно тебя понимаю, драгоценная. Поверь, я очень ценю твое внимание и даже рискнул бы предложить замену, но игнорировать просьбу владыки Эйлинона будет не слишком-то вежливо. А из представителей твоего вида в столице больше никого нет.

Это правда. Города мы не любим, а большие города особенно. Разве что в холода порой тянемся к горячему очагу, чтобы всласть поспать в тепле и покое. А потом, когда сойдет снег, снова уйти в леса. Но до первых заморозков еще далеко – чай, середина лета, поэтому раньше чем через три-четыре месяца баскхи в столице не объявятся, так что владыке Эйлинону не повезло.

– Я друидам ничего не должна, – буркнула я, возвращая жрецу свиток.

– Бас...

– И тебе не должна тоже, – на всякий случай напомнила я, когда кот снова вздохнул и попытался заглянуть в мои бесстыжие глаза. То, что мы делили постель, не означало, что я прям сорвусь с места и со всех ног побегу к друидам на помощь. Фигушки. Я не для этого сюда приехала, и Ниал прекрасно об этом знал.

– Неужели тебе не хочется заглянуть в гости к владыке? – попытался зайти с другой стороны жрец.

Я снова фыркнула и отвернулась.

– Развлекаться с «зелеными» – так себе удовольствие. Они занудные до безобразия. И шуток не понимают. Так что нет, Ниал, не хочу.

– А как насчет того, чтобы навестить старых друзей, пообщаться с местными магами, заодно обновить свои амулеты...

– Мне пока не к спеху.

– Эйлинон наверняка хорошо заплатит за помощь, – вкрадчиво предположил настоятель. – Знаешь, сколько у него диковинок хранится в сокровищнице?

– Знаю. Но он толком не объяснил, что у них произошло и какого рода помощь от меня требуется. Если бы в северных лесах вдруг запахло жареным, он прислал бы сюда кого-нибудь поблазнительнее, чтобы уж наверняка вызвать мой интерес, – проворчала я, решительно направляясь обратно в спальню. – К сожалению, заинтересовать меня ему не удалось, так что я иду спать. А ты делай с гостями что хочешь.

– Милая, ну зачем ты так? – укоризненно протянул кот, не спеша, впрочем, следом.

Но я не обратила внимания и, демонстративно зевнув, собралась уйти, прикидывая, как именно накажу бессовестного кота, который посмел разбудить меня из-за такого пустя-

ка. Еще ладно, если бы на пороге храма собственной персоной объявился друид – ему я бы, наверное, не отказала. Но волки... пфф. Эйлинон совсем с ума сошел, если решил отправить сюда лохматых в качестве парламентаров и понадеялся, что его имя поможет нам преодолеть давнюю неприязнь.

Неожиданно по храму словно ветерок пронесся, а затем весь зал без предупреждения осветился яркими золотыми огнями.

Я неверяще обернулась.

Бездна! Это что, шутка?!

Но нет. Похоже, не шутка. Как бы дико это ни выглядело, однако статуя Кхеметт, обычно безмолвная и мрачная, сейчас сияла, словно осененная солнечными лучами! А все потому, что полоумный вожак смиренно опустил перед ней на одно колено и стряхнул на пол щедрую россыпь багровых капель из рассеченного ножом предплечья.

Конечно, у каждого бога свои предпочтения в плане подношений. Кому-то в качестве жертвы достаточно квелой морковки, кто-то предпочитает золото, а некоторым, чтобы откликнуться, надо всего лишь услышать искреннюю молитву. Но даже у оборотней кровь в храмовых ритуалах – крайне редкий ингредиент. И если она проливалась, то это происходило лишь в исключительных случаях.

Самое странное, что волки, кроме солнцеликого Роттара, богов традиционно не признавали. Но и ему в полной ме-

ре не поклонялись, молитв и обрядов не совершали, веками жили сами по себе, служили тем, кто мог хорошо заплатить, и были верны исключительно собственным принципам.

И вот теперь один из них решил призвать на свою голову Кхеметт?!

Придурок! Он вообще знает о последствиях?!

Тем временем сероглазый вожак залил подножие озарившейся светом статуи собственной кровью, поднял на богиню-кошку спокойный взгляд и так же спокойно произнес:

– Предлагаю сделку, двулика. Служба в обмен на услугу.

– Ниал... останови его! – дрогнувшим голосом прошептала я. Но жрец, кажется, не услышал. А всего через миг кровь на полу начала стремительно испаряться. Еще через пару ударов сердца, когда у меня в душе все перевернулось, каменные плиты вновь стали безупречно чисты. Ниал, как верховный жрец нашего маленького храма, засвидетельствовал случившееся таинство. И это, в свою очередь, означало, что обряд завершен, а подношение оборотня действительно принято. Более того, теперь волк имел право требовать от Кхеметт ответную услугу.

– Что ты хочешь? – снова повторил вопрос жрец, когда статуя погасла и зал снова погрузился в полумрак.

Оборотень поднялся с колен.

– Я уже сказал: нам нужна Бас. И ей придется поехать вместе с нами к друидам.

– Ниал, я тебя убью! – прорычала я, едва жрец показался на пороге спальни. – Ты что творишь, а?! Как ты мог позволить этому дураку начать ритуал?!

Ниал примиряюще поднял руки, а когда у меня из-под верхней губы непроизвольно вылезли клыки, на всякий случай отступил на шаг. И правильно: перечить мне сейчас было опасно для жизни.

– Бас, не надо... Служение – дело добровольное, – напомнил кот, мудро остановившись на пороге. – Даже в том случае, если поклясться в верности богине изъявил желание самый обычный волк. Тебе ведь известны правила. Отказать ему я не вправе.

– Да?! А меня подставлять ты вправе?!

Когда мое тело изогнулось в преддверии трансформации, на коже проступила короткая черная шерсть, а из кончиков пальцев снова выстрелили острые когти, Ниал тревожно замер.

– Статуя дала четкий знак, – осторожно сказал он, стараясь не шевелиться. – Я подумал... вернее, мне показалось, что все было правильно. В любом случае волк не требовал, чтобы ты отправилась с ним немедленно. Я попробую потянуть время. Скажу, что они не так поняли и здесь нет того, кто им нужен. В конце концов, ты можешь просто отказать-

ся...

– Проклятье! Уже не могу! – выдохнула я, с трудом удерживая беснующегося внутри зверя. За годы нашего, так сказать, совместного проживания мы более или менее научились сосуществовать вместе. Ведь он – это я. Точнее, более агрессивная и импульсивная версия меня. Но бороться с собой, как известно, сложнее всего, поэтому иногда у нас случались разногласия.

Бездна! Да что ж это такое? Уймись! Цыц, кому сказала!

– Бас? – обеспокоенно дернулся жрец, когда из моего горла вырвалось хриплое рычание, но зверь все же притих. После чего я обессиленно упала на подушки и раскинула в стороны уже вполне человеческие руки.

– Да, это был знак, Ниал. Ты прав. Но, бездна, это был знак не для тебя! И не от Кхеметт! Неужели ты не почувствовал разницы?!

– Что-то не так? – внезапно обеспокоился кот и подошел ближе. – Разве я ошибся?

Я устало закрыла глаза:

– Да. И нет. Прости. Это, наверное, не твоя вина. Нас обоих переиграли.

Ниал приблизился вплотную и присел на краешек разворошенной постели. Его горячая ладонь накрыла мои сжавшиеся в кулак пальцы, тихонько их погладила, помогая расслабиться. Под его чуткими руками зверь окончательно перестал рваться наружу – этого кота он успел хорошо запом-

нить. Как его человеческую, так и звериную ипостась. Весьма привлекательную, между прочим, ипостась – горные кошки всегда славились редким сочетанием силы, грации и красоты. Поэтому мой зверь если не признал его, то все же позволил быть рядом. И это было такой удачей, что я не хотела раньше времени ничего менять.

Но теперь, когда сделка заключена, у меня не осталось выбора.

Этой ночью суровая богиня Кхеметт – на этой мысли из моего горла вырвался едкий смешок, – так вот, Кхеметт приняла под свою руку незнакомого оборотня и при свидетелях обязалась оказать ту помощь, о которой он попросил. Проблема заключалась в том, что просил он не для себя, а от лица владыки, чтоб ему пусто было, Эйлинона. Проще говоря, гордый волк был настолько обязан друидам, что по доброй воле пошел в пожизненное услужение к богине-кошке, считая, что это перекроет тот долг, который он успел взять в лесном дворце.

Интересно, чем он был так обязан «зеленым»? И понимали ли, на что подписался? Если нет, то Эйлинону при встрече придется кое-что мне объяснить.

– Бас? – тихо спросил жрец, нависнув надо мной и пытаясь заглянув в лицо. – О чем ты говоришь?

Я вздохнула и открыла глаза:

– Нас обманули, Ниал: сегодня ночью от лица Кхеметт сделку заключила другая богиня.

Кот вздрогнул. Но не возразил, не начал спорить – мы, баскхи, будучи прямыми потомками Кхеметт, всегда чувствовали ее настроение и понимали ее знаки лучше кого бы то ни было. Иногда даже лучше, чем жрецы. И я совершенно точно знала, что сегодня Кхеметт не была настроена принимать под свою руку волка без рода и племени, который вздумал шантажировать ее с помощью обряда. Она ни за что не позволила бы сделать то, что сделал он. Не приняла бы от лохматого столь серьезную жертву. Первая ступень посвящения... Не таким должно было быть его служение богине. Видит бездна, совсем не таким. Тем не менее кто-то вмешался в ход ритуала и насильно привязал жизнь волка к Кхеметт, не считаясь с ее мнением.

– Кто это был? – так же тихо спросил жрец, прикусив губу.

– Иллари, кто ж еще? – невесело хмыкнула я. – Только у верховной богини хватило бы наглости вмешаться. И только ей было под силу провернуть такой обман, да еще в присутствии волков. У нас с ней, если помнишь, сложные отношения. А ее слово всегда весило больше, чем слово Кхеметт, поэтому придется подчиниться. Но кто бы знал, как же мне не хочется этого делать!

Жрец бережно поцеловал меня в губы:

– Прости, я не увидел. Не понял.

– Прощаю, – печально улыбнулась я, протягивая к нему руки. – Но ты знаешь, что это означает.

– Я больше тебя не увижу...

– Да, Ниал. Это наша последняя ночь.

– Тогда пусть она будет лучшей, – прошептал кот, склоняясь надо мной и прижимаясь разгоряченным телом. Его пальцы уже ловко развязали шелковый пояс, а затем так же ловко откинули в стороны полы невесомого халата. – Хочу, чтобы тебе было хорошо со мной, Бас. Хочу, чтобы ты меня запомнила.

Я не стала обещать того, чего, скорее всего, не смогу исполнить. Но с готовностью подалась вперед и, обвив руками крепкую шею кота, прильнула к горячему телу. С наслаждением, с радостью, но, как он и сказал, в последний раз. Не потому, что Ниал меня сегодня подвел. Просто такая у нас, кошек, порода – мы чаще следуем инстинктам, чем голосу разума, не терпим неволи и делаем лишь то, чего по-настоящему хотим. За редким исключением. А еще мы ценим независимость и не имеем привычки возвращаться к тем, к кому не испытываем по-настоящему глубокой привязанности.

Глава 2

Следующим утром волки встретили меня на площади возле храма. Вернее, у коновязи, где терпеливо дожидались готовые к дальней дороге лошади. Хорошие, кстати, лошади. Рослые, крепкие, с виду выносливые и сильные. Обычно в присутствии оборотней редкая скотина не проявляет беспокойства, а эти явно были привычны, поэтому стояли смирно. И лишь на мое приближение среагировали тревожным фырканием.

Ниал меня не провожал – ночью я вымотала его так, что бедный кот даже не проснулся, когда я поцеловала его на прощание. Однако нужные распоряжения он все-таки успел вчера отдать, поэтому в коридоре меня ждал кем-то загодя собранный дорожный мешок, а в трапезной стоял накрытый стол.

Остановившись в двух шагах от настороженно шевелящихся ноздрями волков, я оценивающе прищурилась.

На немаленькой площади, где вплотную друг к другу стояло несколько десятков посвященных различным богам храмов, сдвинувшиеся плечом к плечу оборотни смотрелись неуместно. Не столько потому, что были крупнее большинства простых горожан. И не потому, что на их невыразительных мордах застыло угрюмое выражение. Просто вокруг этой троицы витала едва уловимая аура угрозы. Они одним

своим видом олицетворяли вызов всем стоящим здесь храмам. Упрямые, нестигаемые, непримиримые. Не зря на них с таким подозрением косились многочисленные прохожие. И не зря старались обходить стороной.

Тем не менее вчерашнее раздражение улеглось, и мне больше не хотелось расцарапать хмурые волчьи физиономии. Но я, пожалуй, не стану рассказывать, каким именно способом Ниал до самого утра вымаливал у меня прощение. Ну и их заодно сумел отмазать, хотя это было нелегко.

Одеты волки, как и вчера, были в простую, но добротную одежду. Короткие сапоги с толстой подошвой, стачанные явно на заказ. Штаны из тонкой ткани, свободные, такие, чтобы и верхом без проблем ехать, и в случае оборота по-быстрому с себя сбросить. Рубахи на удивление чистые, хотя и немного мятые. Поверх рубах – кожаные безрукавки очень схожего кроя. На поясе у каждого виднелось по две пары ножей. А вот ножны с мечами были приторочены к седлам. Там же разместились два котелка и переметные сумки. Не слишком, кстати, большие, в самый раз для неприхотливых путешественников. Меж тем до северных лесов больше двух недель конного ходу, но, судя по всему, волки не любили обременять себя лишней поклажей: еду ведь можно купить и по дороге или поймать в лесу, а теплых одеял и подушек им тем более не требовалось.

– Похоже, у нас проблема, мальчики, – промурлыкала я, оглядев свое сопровождение. – Кто из вас готов поделиться

с леди средством передвижения?

На лице вожака проступило тщательно сдерживаемое раздражение, но увы ему — лошадей мой зверь предпочитал жрать на завтрак, а не протирать им хребет собственным задом, поэтому отношения с копытными у нас обычно не складывались. К тому же за лошадьми надо было ухаживать, чистить, кормить, купать, следить за копытами. По горным тропам они ходили плохо. Летом им было жарко, зимой холодно. Одна морока, короче. По этой же причине я предпочитала передвигаться на четырех лапах, а не на двух, но делать это в городе было не слишком разумно.

— Ита-ак? — проворковала я, когда волки выразительно промолчали. — Мы пойдем в северные леса пешком, отправимся покупать мне лошадь или же обойдемся без экстремальных развлечений?

— Роар, возьмишь ее к себе, — наконец бросил вожак, так и не соизволивший представиться, после чего отвернулся, взобрался на спину своей коняги и решительно направил ее в сторону западных ворот. Второй волк последовал примеру вожака, а рыженький, тот самый, степной, окинул меня подозрительным взглядом и не слишком приветливо сообщил:

— Леди, вам придется сесть сзади.

Я без промедления ухватила за протянутую ладонь, больше похожую на лопату. Сжала ее, подпрыгнула, мысленно порадовавшись, что не вырядилась перед дальней дорогой в неудобное платье. Одним махом оказалась на лошадином

крупе и, наклонившись вперед, жарко выдохнула в неприкрытую шею оборотня:

– А не боишься подставлять мне спину, мальчик?

Волк ощутимо дернулся, когда мое дыхание пощекотало ему загривок.

– Леди...

– Можешь называть меня Бас, – томно прошептала я, откровенно наслаждаясь ситуацией.

Надо же, какой нервный мальчик. Совсем молоденький, желтоглазый, курносый и даже с крохотными конопушками на явственно порозовевших скулах. Правда, здоровый как лось, раза в полтора меня шире и почти вдвое тяжелее в человеческой ипостаси. Зато он был довольно симпатичным и ужасно мило смущался. А если я его еще и обниму... да, вот так, чтобы ладони сомкнулись на животе, а грудь буквально вжалась в широкую спину...

– Л-леди...

Ой. Он действительно покраснел! Нет, ну надо же какая прелесть! Неужто волчонок мне достался нецелованный?

– Да поехали уже, – чуть не расхохоталась я, милосердно отстраняясь от побагровевшего парня. – Вон куда твои приятели уже утопали. Еще немного – и не нагоним.

Оборотень смущенно шевельнул ушами и ткнул пятками замершую кобылку. Та всхрипнула, чувствуя себя неудобно в моем присутствии, но запах хозяина действовал на нее успокаивающе. Поэтому, вместо того чтобы взбрыкнуть, скотин-

ка послушно припустила следом за удаляющимися товарками и пристроилась у них в кильватере.

Пока мы ехали к городским воротам, я успела вдосталь похулиганить, то прижимаясь к волчонку всем телом, то игриво щекоча пальцами его живот. Пару раз подышала в шею, едва не куснула за холку, до того рыжик был аппетитным. И так увлеклась, что даже по сторонам смотреть не захотела, да и что я не видела в Арге? Город как город. Стоял тут тысячу лет и еще тысячу простоит без изменений. А где я потом такого чувствительного мальчика найду? И над кем так сладко поизмываюсь?

Не то чтобы он всерьез меня заинтересовал, но доводить его до покрасневших ушей оказалось забавно. Такой неискушенный, милый... так бы и съела. Ням. Даже жаль, что мы слишком быстро добрались до крепостной стены, и всего через полчаса булыжная мостовая под копытами лошадей сменилась на хорошо укатанный тракт, по которому нам предстояло передвигаться еще очень и очень долго.

Выбравшись за пределы столицы, оборотни произвольно расправили плечи и жадно втянули ноздрями свежий воздух.

Хорошо-о... Без запаха гари и пыли, без одуряющих ароматов попавшихся на нашем пути пекарен, доносящейся с окраин вони кожевенных мастерских, без назойливого шума многочисленных кузниц и нескончаемого гомона чужих голосов мир был по-настоящему прекрасен. Чистый, яркий,

щедро умытый пролившимся под утро дождем. Настоящее чудо, которым я за столько лет так и не разучилась любоваться.

Вскоре после того, как город остался позади, издеваться над ребенком мне расхотелось. Он что-то совсем нервный стал. За руки меня хватать начал. Извертелся весь, изъерзался. Похоже, всерьез решил, что я до него грязно домогаюсь и, как только представится возможность, наброшусь и сожру. Бедняга. Кошачье племя, конечно, любвеобильно и не против разнообразить половые связи парочкой-другой оборотней не своего вида, но все же не настолько мы ненасытные, чтобы бросаться на все, что движется. И вообще, волки не в моем вкусе. К тому же погода стояла замечательная, теплая, несмотря на раннее утро. Делать гадости под щебетание птичек и умиротворяющее жужжание шмелей стало неинтересно. Поэтому я оставила бедного парня в покое и сладко зевнула. А затем, поскольку ночью поспать толком не смогла, обняла вновь напрягшегося волчонка и, склонив голову ему на плечо, задремала.

Угу. Прямо так, в жутко неудобной для человека позе. Но что еще прикажете делать на полупустой дороге, если ехать просто так скучно, пакостить надоело, а разговаривать было лень?

В общем, часа два с небольшим я благополучно подрыхла. Расслабилась. Подобрела. А потом меня некстати разбудили. Правда, не для привала, а просто потому, что рыжику

внезапно приспичило в кусты.

Я, подумав, тоже туда сходила – чего время терять? А когда вернулась, то решила, что больше не хочу дремать на скользком лошадином крупе. После чего нахально запрыгнула к опешившему от такого поворота событий рыжику на колени. Деловито на них поерзала, порадовавшись, что обычным седлам с высокими луками лохматые предпочитали плотные попоны, накрытые специально скроенными кусками толстой кожи. Проигнорировала возмущенный рык. На неумелые угрозы показала зубы. И, устроившись поудобнее, вскоре снова уснула. К искреннему изумлению моей новой «грелки» и вящему неудовольствию обоих серых, которых моя несусветная наглость, похоже, поразила до глубины души.

* * *

Во второй раз я проснулась оттого, что почувствовала на себе чужие руки и осознала, что меня довольно аккуратно куда-то несут, а затем почти что бережно укладывают на мягкое. Забота, от кого бы она ни исходила, кошкам всегда приятна, поэтому я тихонько мурлыкнула и потерлась носом о чужую ладонь, тем самым благодаря за беспокойство.

Тот факт, что запах принадлежал вовсе не рыжику, меня совершенно не смутил. Сильный, резкий, отчетливо отдающий лесом и мускусом, он принадлежал уже зрелому оборот-

ню, чей зверь был достаточно уверен в себе, чтобы так смело со мной обращаться. Поскольку сильных мужчин я всегда ценила, то решила позволить волку эту маленькую вольность и уснула в третий раз. А окончательно проснулась лишь ближе к ночи – хорошо отдохнувшей, полной сил и, как водится, голодной.

Сладко потянувшись, я высунула нос из-под наброшенного на плечи плаща, приподняла голову и деловито огляделась.

Так. И где это мы?

Похоже, в лесу. Не особенно далеко от дороги и на приличном расстоянии от ближайшей реки.

Фу, не могли поближе подобраться? Может, кому-то и хватило бьющего на соседней поляне родника, а вот даме следовало умыться и привести себя порядок.

Едой, кстати, не пахло. Значит, даме еще и охотиться придется, потому что хлебом мой зверь точно не наестся, а мясо я с собой умышленно не взяла – трудно сосредоточиться, когда ноздри то и дело дразнит аромат умело зажаренной курицы. Неудобно. Отвлекает. Будоражит воображение.

Кстати, а где мои провожатые?

Ага, вижу. Рыжик, утомившись за день, без задних ног дрыхнет под деревом, намеренно или случайно устроившись так, чтобы оказаться от меня как можно дальше. Бедняжка. Совсем я его запугала.

Один из серых нашелся под соседним деревом, где сидел,

прислонившись спиной к стволу и старательно притворялся спящим. Его демонстративно сложенные на груди руки выглядели ужасающе сильными. Грубоватое лицо казалось обманчиво расслабленным. Спутанные волосы, остриженные почти так же коротко, как у степного, нахально лезли в глаза. Из-под верхней губы виднелись кончики острых клыков. А цвет его глаз я успела рассмотреть еще утром – такие же серые, как у дурака, принесшего вчера клятву служения нашей богине. Только, в отличие от вожака, в волосах этого волка пока не появилось ни одного седого волоска. Да и выглядел он, несмотря на внешнюю мощь, далеко не так угрожающе.

А вот самого вожака поблизости не было. Гуляет? Охотится? До ветру пошел?

Я потянула носом воздух.

Костер они сегодня не разводили. Чем ужинали, тоже непонятно – или все сожрали, поэтому запаха не осталось, или же спать ложились на голодный желудок, что для оборотней вообще-то бесполезно.

Я задумчиво ковырнула пальцем брошенную на землю попону, на которой так сладко спалось, а затем перевернулась на живот, вытряхнула себя из одежды и, слившись с темной, скользнула прочь, постаравшись сделать это как можно тише.

Отлично. Серый так и не открыл глаз, а оставшаяся в лагере одежда какое-то время сохранит мой запах. Встревожиться волк не должен. А пока он дремлет, я как раз успею добы-

жать до реки, перекусить, умыться и вернуться до того, как он поднимет тревогу.

Удалившись от лагеря на приличное расстояние, я с удовольствием встряхнулась и перешла на бег.

Надо сказать, в звериной форме мир воспринимается иначе, чем в человеческой. Более четко, ярко и полно, что ли? Кошачьи лапы гораздо лучше подходят для быстрого и незаметного перемещения по лесу, чем ноги. Становятся в разы острее зрение, обоняние, слух. Опять же, густой мех оберегает и от дождя, и от холода, и от шальной стрелы. Мощное тело похоже на туго сжатую пружину и порой аж звенит от бурлящей внутри силы. Хочется уже не бежать – стремглав лететь сквозь ночь, пугая ее хищными огнями в глазах и голодным оскалом.

Впрочем, сегодня мой зверь не стремился взять верх – устал, сволочь мохнатая. Я уже давно не давала ему воли, а тут такой подарок – зрелый кот, с которым можно не сдерживаться и который почти равен мне по силам. Зверь-то устал, да. Что называется, наигрался. А вот жрецу еще пару недель придется сводить с тела не только синяки, но и следы когтей и зубов, которых мой дорвавшийся до свободы кошкак оставил на нем немало.

Само собой, умышленно поранить я никого не старалась, однако это один из неизбежных минусов нашего существования. Мы в любой форме остаемся импульсивными, кровожадными и опасными. А если потеряем контроль над зве-

риной ипостасью, то становимся опасными вдвойне. Причем чем сильнее зверь, тем сложнее его удерживать. Тем сильнее довлеют над нами инстинкты. И тем выше угроза, что в один прекрасный день вторая ипостась выйдет из-под контроля.

Мне, можно сказать, повезло – со своим зверем я договорилась. Днем он чаще всего спал. Ночи я, наоборот, старалась отдавать в его полное распоряжение. И только в брачный сезон уходила далеко-далеко в горы, подальше от живых, потому что находиться рядом со мной в такое время было по-настоящему опасно.

Безошибочно отыскав затерявшуюся в лесу крохотную речушку, я спустилась к воде и, припав на передние лапы, с наслаждением напилась. В потревоженной водной глади мелькнули белоснежные клыки и хищно прищуренные желтые глаза, а затем по воде пробежала короткая рябь. Сгустившаяся вокруг меня темнота ненадолго расступилась. И вот уже вместо страшноватой звериной морды в реке отразилась мокрая, сыто жмурящаяся человеческая мордочка в обрамлении коротко стриженных, абсолютно прямых и изрядно встрепанных волос.

Забавно, да?

Сколько лет живу, а все равно не могу понять, почему в человеческой ипостаси у моей шевелюры далеко не такой насыщенный цвет, как в звериной. И глаза не желтые, а светло-карие. Да и зрачок совершенно обычный. Отчего так вышло? Богиня знает. Но факт в том, что до поры до времени

в этом миниатюрном теле крайне сложно было заподозрить вторую ипостась.

В том числе и поэтому баскхов нелегко обнаружить: обычных оборотней видно издалека, а у нас нет особых примет. Быть может, только запах и выдает, если баскх сильно волнуется или боится.

Что еще о нас можно сказать?

Пожалуй, только то, что нас очень мало. Мы не любим сидеть на одном месте, и у нас нет раз и навсегда установленной территории для охоты. А еще говорят, что богиня-кошка вдохнула в нас частичку собственной силы. Насчет последнего ничего не могу сказать, не проверяла. Но кое-что мы действительно умеем, и за это нас в какой-то степени тоже боготворят.

Неожиданно в воде плеснула крупная рыба, и мой зверь встрепенулся, вспомнив о том, что с утра так и не поел. Купаться в его планы, правда, сегодня не входило, но ради добычи он куда угодно полезет. Хоть в воду, хоть в гору и хоть на ближайшее дерево.

На какое-то время я не на шутку увлеклась рыбалкой, которая, как и большинству представителей семейства кошачьих, была мне по душе. А когда наелась, отмылась от чешуи и уже в человеческой ипостаси выбралась на берег, то обнаружила, что на берегу меня уже ждут. Вернее, ждет. Один очень-очень недовольный волк, буравящий меня хищно прищуренными глазами.

Остановившись у кромки воды, я окинула зверя внимательным взглядом.

Взлохмаченный, определенно злой. И, кажется, я уже знаю, кто скрывается под пепельно-серой с проседью шкурой.

Зачем ты искал меня, волк? Явившись в лагерь и обнаружив пропажу, забеспокоился? А может, разозлился, что упустил из виду? Неужто подумал, что я сбегу?

Волк, словно услышав мои мысли, предупреждающе рыкнул. И вот тогда я сугубо из вредности опустила на колени прямо в воду и кротко положила ладони на мокрые бедра.

А что? Сижу себе и сижу, никого не трогаю. Вся такая беззащитная и уязвимая. Мокрые волосы откинула назад и выпрямилась, совершенно не стесняясь обнаженной груди. Затем вытерла ладонью лицо. Снова игриво покосилась на волка. И, заметив, как тревожно дернулись его губы, насмешливо хмыкнула.

Ну? И что ты теперь будешь делать, дорогой? Нападешь? Ударишь? Рискнешь меня поранить? А если нет, то каким именно образом ты думал заставить меня вернуться в лагерь?

– Можешь приблизиться, – милостиво разрешила я, когда оборотень откровенно заколебался. В его глазах промелькнули удивление, раздражение, затем снова злость. Но в звериной ипостаси волки контролировали себя лучше нас, поэтому можно было не сомневаться – он полностью отдает от-

чет в своих действиях. И даже будучи очень злым, никогда не сделает того, о чем впоследствии пожалеет.

– Ну что же ты? – я улыбнулась шире и сделала приглашающий жест. – Неужели боишься? Меня? Не надо, я не кушаюсь. Подойди.

Огромный зверь набычился, ощерился, из-под кончиков губ все-таки показались внушающие уважение клыки, но тем не менее он, хоть и неохотно, все же сделал к воде несколько неуверенных шагов.

– Ближе, – велела я, изучая его прищуренными глазами. – Вот так. Молодец.

Волк, тяжело дыша, подошел вплотную и замер, когда я подняла руку и пробежалась кончиками пальцев по его щеке. Правда, укусить не пытался. Только едва заметно вздрогнул. А потом шумно выдохнул и опустил голову, позволив мне без помех зарыться пальцами в густую шерсть и притянуть к лицу страшноватую морду.

– А ты красивый, – сообщила я, ненавязчиво почесывая его за ушами. Глаза у зверя, правда, оставались настороженными, непонимающими, но отстраниться он не пытался. Только дышал по-прежнему тяжело, с перерывами, будто делал очень нелегкую, прямо-таки непосильную работу.

Наконец я легонько хлопнула по тугому волчьему боку и поднялась.

– Ладно, уговорил. Идем обратно. Что-то тут прохладно стало.

Зверь растерянно вскинул голову, так что наши глаза оказались почти на одном уровне, но я уже выяснила что хотела, поэтому отвернулась и просто прошла мимо. Уже по пути услышала за спиной тяжелое дыхание. Мысленно хмыкнула, обнаружив, что зверь все-таки идет следом. И вот так, в сопровождении недовольно сопящего жожака, вернулась на поляну, где оборотням вздумалось устроить бивак.

К тому моменту оба волка успели не только проснуться, но и, судя по виноватому виду, схлопотали нехилый нагоняй от жожака. Роар при виде меня вспыхнул до корней волос, будто никогда раньше не видел обнаженных леди. Видать, и правда нецелованный. Ну да это ненадолго.

Подмигнув парню и вогнав его в еще большую краску, я с чувством выполненного долга опустилаcь на плащ, под которым лежала моя одежда. Но прежде, чем я успела засмущать паренька окончательно, из-за деревьев выскользнула рослая тень, в мое лицо полетел чужой скомканный плащ, а знакомый голос прорычал:

– Оденься! Живо!

Я подняла глаза на уже успевшего натянуть штаны жожака.

– А то что?

Волк скрипнул зубами:

– Лучше тебе этого не знать.

Глава 3

Заставлять делать кошку то, чего она делать не хочет, – пожалуй, самая бессмысленная и бесполезная из всех затей, которые могли прийти волку в голову. Я вообще мало кому позволяла разговаривать со мной в таком тоне. Соответственно, слушаться не собиралась. А вместо того чтобы выполнить дурацкий приказ, плавным движением поднялась и, глядя вожаку в глаза, томно промурлыкала:

– Прости, я не расслышала, что ты сказал.

Из горла волка вырывался сдавленный бульк:

– Я велел тебе одеться!

Я уже говорила, что лохматые, когда хотят, способны передвигаться *очень* быстро? Так вот, вожак этой ночью удивил даже меня – буквально метнувшись через поляну, он вдавил меня в ближайшее дерево и, нависнув сверху тяжелой горой, прошипел:

– Теперь услышала?!

Вместо того чтобы испуганно пискнуть и присесть, я, напротив, дразняще ему улыбнулась:

– Если и услышала, то что с того?

– Я отдал тебе приказ!

– А ты заставь меня, – прошептала я, изогнувшись в пояснице и подавшись вперед.

От мимолетного прикосновения оборотень отшатнулся,

словно его ударили. Я же демонстративно запрокинула голову, открывая уязвимую шею. Изогнулась еще больше, бессовестно искушая, приглашая, почти умоляя его дать мне повод сменить ипостась. А когда укуса так и не последовало, а хватка на плечах так же внезапно ослабла, негромко рассмеялась:

– В чем дело, лохматый? Не умеешь обращаться с женщинами?

Ответом мне стал приглушенный, откровенно угрожающий рык. Впрочем, волк и сейчас не набросился – в отношении дам у лохматых существовал свой кодекс чести, который они никогда не нарушали. Собственно, вожак быстро понял, что ничего со мной поделать не сможет. Ни в человеческой ипостаси, ни в звериной. А если не понял, то уже начал догадываться, отчего рассвирепел еще больше. Едва не перекинулся во второй раз. И богиня знает, до чего мы бы с ним сегодня договорились, если бы пунцовый от смущения волчонок не попросил:

– Пожалуйста, миледи. Я очень вас прошу: оденьтесь.

Я милостиво кивнула:

– Только ради тебя, мальчик. Сложно устоять, когда мужчина использует такое оружие, как вежливость.

После чего вернулась к своему спальному месту, наклонилась, умышленно проделав это так, чтобы со спины смотрелось не просто соблазнительно, а в буквальном смысле слова сногшибательно. Затем без спешки набросила на себя

рубашку. Усевшись на плащ, так же неспешно натянула белье, просторные штаны и новенькие кожаные сапожки. Наконец откинулась навзничь, забросила ногу на ногу и, сунув меж зубами сорванную травинку, сделала вид, что не замечаю сердито сопящих оборотней. И в упор не вижу горящих взглядов паренька, бросаемых на мою проступившую под тонкой тканью грудь.

На этом, можно сказать, конфликт был исчерпан, и остаток ночи прошел спокойно. Меня больше никто не трогал, ультиматумов не выдвигал. А поутру оборотни в полнейшем молчании свернули лагерь, навьючили отдохнувших за ночь лошадей и так же молча запрыгнули в седла.

Пока они собирались, я с равнодушным видом стояла в сторонке, все так же жуя несчастную травинку и лениво размышляя, а не пробежаться ли мне по лесу во второй ипоста-си. Но нет. Едва лохматые закончили сборы, Роар забрал мой мешок и, устроив его на спине своей кобылки, не слишком уверенно протянул руку. После чего я решила, что будет гораздо интереснее снова испытать его терпение на прочность, чем пробираться сквозь бурелом самостоятельно.

Сесть вперед мне на этот раз не дали, но я, в общем-то, и не настаивала, к вящему облегчению волчонка. Когда кони тронулись, какое-то время даже посидела смирно, как лапочка. Ну, почти. Надо же было жертве дать время привыкнуть.

Рыжик, как и вчера, напрягся, ощутив на животе мои сомкнувшиеся ладошки. Затем заерзал, почувствовав на шее

горячее дыхание. Аж закаменел весь, стоило мне начать тихонько мурлыкать у него над ухом. Но долго мучить его я не стала и, как только кони вернулись на дорогу, отпустила беднягу. Потом отстранилась и рассмеялась, услышав облегченный вздох паренька. Замолчала. Притихла. А еще через полчаса очень аккуратно сползла с лошадиного крупа и бесшумно соскочила на землю, гадая про себя, как быстро уставший от издевательств малец сообразит, что ему чего-то не хватает. И как много «ласковых» скажет ему обозлившийся с ночи вожак, когда поймет, что я опять его обманула.

Ну что? Засаекаем время и будем делать ставки на самого внимательного волка? Готова биться об заклад, что первый раунд будет за мной. А вот дальше... дальше как раз и начнется самое интересное.

Растянув губы в нехорошей усмешке, я отступила с дороги, немного прогулялась вдоль тракта и, отыскав первую попавшуюся полянку, с довольным видом плюхнулась на землю.

Ну? Где мои brave волки?

Ага. Вот и они, родимые. Вон как копыта за кустами грохочут. Быстро же они очухались. Сразу повернули коней назад и, проломившись сквозь густой орешник, с разбегу выметнулись на облюбованную мною полянку.

– Миледи, вы в порядке?! – выдохнул рыжик, увидев, что меня никто не сожрал, а я просто мирно и спокойно собираю растущие в траве цветочки.

– Какого демона ты здесь делаешь?! – рывкнул прямо из седла вожак. Но я его нахально проигнорировала.

Третий волк неодобрительно покачал головой и придержал коня, чтобы не топтать ни в чем не повинную травку. А увидев, каким взглядом я смерила спрыгнувшего на землю собрата, предпочел попятиться назад вместе со скакуном и сделал вид, что вообще ни при чем.

– Ты... – процедил вожак, остановившись от меня на расстоянии вытянутой руки и раздавив сапогами совершенно очаровательный колокольчик. Мне как раз его не хватало для венка.

Хм. Какой невоспитанный волк... И нечего на меня так смотреть. Я еще ничего плохого не сделала. Сижу себе, плету венок, песенку под нос намурлыкиваю... у меня даже оружия при себе нет, представляете?

Встретив бешеный взгляд волка, я мило ему улыбнулась.

– Что?

– Вернись в седло, – с трудом взял себя в руки оборотень и все же сообразил на этот раз попросить, а не приказать. Тон, правда, выбрал не совсем верный, ну да ладно. Прощу на первый раз. Он ведь очень старался, правда?

Спрятав улыбку, я одним движением поднялась с земли и шагнула к обреченно вздохнувшему рыжику.

– Нет, – хмуро бросил вожак, протягивая мне руку. – Со мной поедешь... пожалуйста.

Ого. А он и правда поддается дрессировке!

Одарив мрачного до невозможности серого лучезарной улыбкой, я без возражений приняла чужую руку и едва не расхохоталась, когда он забрался в седло и усадил меня перед собой. Усвоил урок, молодец. Отсюда спрыгнуть незамеченной будет гораздо сложнее, чем с лошадиного крупа. Но я пока и не собиралась хулиганить. Хватит того, что у меня появилась новая «грелка» и очередной объект для изучения, с которым, признаться, было ну очень интересно поработать.

Правда, сразу доставать жоака я не стала – сперва надо было все хорошенько обдумать. Поэтому кони вместе с седоками успели и на тракт обратно выбраться, и приличное расстояние отмахать, а я все никак не могла решить, с чего же именно мне начинать приручать лохматого.

Ах да. Пожалуй, лучше начать с самого простого.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась я, удобно лежа в кольце чужих рук и помахивая болтающейся на весу ножкой.

Жоак одарил меня сверху хмурым донельзя взглядом.

Ага. Значит, еще не понял, что к чему. Отлично, будем учить дальше.

– Ладно, – с легкостью отступилась я от упрямы и, одним движением сев, поменяла положение так, чтобы развернуться к нему спиной. Попона у лошади оборотня оказалась замечательно широкой, плотной и как нельзя лучше подходила для моих целей. С такой конструкцией не составляло труда пристроиться к мужчине вплотную, прижаться так, что теснее некуда, и мысленно хихикнуть, услышав сзади отчетли-

вый скрип зубов.

– Роа-а-ар, – чуть наклонившись вперед, позвала я и, когда едущий впереди рыжик обернулся, радостно ему помахала. – Можно тебя спросить?

– Конечно, миледи, – торопливо отозвался волчонок, кинув мне за спину настороженный взгляд. – Что вас интересует?

– Как зовут твоего спутника? – Я ткнула пальчиком в едущего рядом с парнем серого.

– Наран, миледи.

– А откуда он родом?

– С севера, миледи. Как и я.

– Ты же вроде степной, – удивилась я и поерзала, устраиваясь поудобнее. Мужчина за моей спиной вновь скрипнул зубами, но не проронил ни единого слова.

Рыжик, бросив в его сторону еще один настороженный взгляд, придержал поводья.

– Все верно, миледи. Но я полукровка. Моя мать родом из степных, а отец – чистокровный лесной волк.

Я присвистнула и откинулась назад, едва не стукнув вожака макушкой по зубам. Повезло – он успел отвернуться, но не всегда ему будет так везти. Даю слово.

– Вот оно как... а какое отношение ты имеешь к этим двум молчунам?

– Мы напарники, – пожал плечами волчонок. – Рокхет-орр уже лет десять как мой наставник. Наран его старый

друг. Поэтому, когда настало время выбирать, куда идти, я отправился с ними. К друидам. Так с тех пор у них и живу.

Я коварно улыбнулась.

Ну надо же, какие интересные сведения сообщил мне мальчик. Значит, сопящего за моей спиной упрямца зовут Рокхет? Отлично. А приставка «орр» означает, что в старой стае он имел и до сих пор имеет немалый вес. Более того, состоит в прямом родстве с нынешним вожаком, а в случае его смерти сможет наследовать высокий титул.

Интересно, какого демона он тогда служит друидам и болтается по миру, как обычный бродяга?

– А давно вы нанялись к «зеленым»? – снова поинтересовалась я, подтянув вверх одну ногу и поджав ее под себя.

Рыжик нервно улыбнулся:

– Да уже года три как.

– Немало, если учесть, что этих зануд даже месяц непросто вынести. А что там у них случилось, если не секрет? Зачем им понадобилась моя персона?

Волчонок мгновенно напрягся:

– Деталей не знаю. Об этом лучше у владыки спросить.

– А ты без деталей расскажи, – мурлыкнула я, откинувшись назад и буквально развалившись на широкой груди вожака. – В общих, так сказать, чертах.

Роар в третий раз на него покосился и, поколебавшись, кивнул.

– Я и правда мало знаю, миледи. Владыка не делился с на-

ми подробностями, но у него возникли трудности во дворце. Вроде как в некоторых его комнатах стали болеть люди.

– Только люди? – встрепелась я.

– Не только, – неохотно буркнул волк. – Про погибших не знаю, но что-то явно происходит. Что-то нехорошее, отчего друиды стараются туда не соваться. И раз владыка Эйлинон отправил за вами нас, значит, с этим «что-то» он не смог справиться сам.

Я ненадолго задумалась.

Весть была скверной. Друиды – прекрасные маги, а в одной конкретной области им, без преувеличения, нет равных. Все «зеленые» – прирожденные маги жизни. Долгоживущие, не подверженные обычным болезням и напастям, очень востребованные. Могущественные. И ценные для сопредельных государств настолько, что вот уже несколько тысяч лет северные леса считаются неприкосновенными.

А что, думаете, в наше время так просто добыть эликсир долголетия или излечиться от смертельной раны? Выслушать достоверное пророчество или за баснословные деньги приобрести ценное снадобье? От насморка или полового бессилия, от прыща на носу или несварения – друиды лечили все. И всех. И были в этом настолько хороши, что на другие их заморочки просто не обращали внимания.

– Все равно не понимаю, зачем вас прислали, – призналась я после небольшой паузы. – У меня нет ни капли магической силы. Все артефакты, которыми я когда-либо пользовалась,

были созданы самими друидами. Все, чем я по-настоящему владею, это вторая ипостась. Но у «зеленых» такого добра и без меня хватает. Какой был смысл звать меня во дворец? Разве я могу для них что-то сделать?

— Владыка Эйлинон посчитал, что можете, — тихо ответил Роар, после чего я снова задумалась и замолчала уже надолго.

* * *

Вскоре после полудня на нашем пути попало большое село. Собственно, за прошедший день это был далеко не первый и не последний населенный пункт, где можно было остановиться. Да и вчера, полагаю, я несколько таких упустила из виду, пока спала. Но волки, обогнув по дуге все прочие, решили остановиться именно здесь. Правда, ненадолго. Только чтобы прикупить провизии и показать местному кузнецу лошадь Нарана, которая полчаса назад отчего-то решила охрометь.

Пока Наран занимался невезучей конягой, Рокхет и Роар свернули к постоялому двору. Народу внутри оказалось не протолкнуться, поэтому в дом ушел только вожак. Мы же с рыжиком остались снаружи, а я и вовсе решила прогуляться, чтобы размять ноги. Ехать верхом, даже в такой фривольной позе, в какой большую часть дня путешествовала я, было не слишком-то удобно. Спина у лошади оказалась слиш-

ком широкой для моих скромных размеров, ноги пришлось по очереди подтягивать под себя и потихоньку разминать. Частенько вертеться, перенося вес с одной ягодицы на другую. Доставлять тем самым дополнительные неудобства обоим. В конце концов мне пришлось снова усесться поперек и практически развалиться на руках у лохматого. Однако расслабиться, когда он так выразительно сопит и косится, оказалось непросто. Так что я порядком устала и небольшую остановку восприняла как спасение.

– Эй, красotka! – окликнули меня, стоило лишь на минутку отойти от Роара. – Никак ножки затекли? А хочешь, я их тебе помну?

Я обернулась и скептически воззрилась на вышедшего из конюшни рослого мужчину. Здоровенный, нечесаный, заросший жесткими черными волосами до самого подбородка. Только что с дороги, отчетливо пахнущий конским и крепким мужским потом. Фу. Это ж каким козлом надо быть, чтобы, будучи в таком виде, предлагать даме интим?

– Что, не нравлюсь? – оскалил в хищной усмешке зубы мужик. – А то не стесняйся. Закидывай ножки на меня, и я тебя всю помну. Сверху и до самого низа.

Я наморщила носик.

Ах вот с чего мальчик такой дерзкий. Оказывается, он тут не один – услышав голоса, из конюшни вышли трое приятелей немывого. А еще трое обернулись от самого крыльца. Одна шайка? Или правильнее сказать, свора, потому что, по-

мимо всего прочего, ребятки оказались оборотнями. Причем не из благородной волчьей породы, а самые что ни на есть псы. Наименее любимый мною подвид лохматых, от которых не стоило ждать ничего хорошего.

И верно: стоило мне демонстративно шагнуть под прикрытие рыжика, как вся свора гулко расхохоталась. Конечно, вторая лошадь стояла с пустым седлом, и ее, вероятно, посчитали моей. Так что, по их мнению волк был один, молодой и еще не слишком опытный, а их против него целых семеро. Скверный расклад, правда? Само собой, они чувствовали себя уверенно. К тому же волки и псы издревле враждовали друг с другом почти так же, как мы и с теми, и с другими. Но, бездна, как же все это было некстати!

– Так что, красавица? – продолжал настаивать чернявый. – Давай не ломайся. Бросай своего волка и айда к нам. Уж мы тебя не обидим. Слово даю. Даже заплатим сколько скажешь. Все честь по чести.

Роар зарычал, услышав неприкрытое оскорбление, а я растянула губы в нехорошей усмешке.

Что, решили укусить парня через меня? Понадеялись, что один он с вами не справится, а когда вступится – а он не мог за меня не вступить, – вы укокошите его прямо тут, у всех на виду, да еще с полным на то основанием?

Хм.

Может, у баскхов не самая лучшая репутация в мире и в другое время, стоило признать, гнусный намек этого уро-

да вполне мог попасть в цель. Но, во-первых, не все кошки одинаковые. Во-вторых, даже если мы и любим менять половых партнеров, это сугубо наше личное дело. Наконец, третьих, никто не давал право дворовому псу называть меня продажной девкой.

Пожалуй, я могу себе позволить самую капельку на него рассердиться.

– Сколько скажу, значит? – переспросила я, оценивающе оглядев неумытого. Тот с готовностью осклабился. – Хм. Все до последней капли выплатишь? Я правильно тебя поняла?

– Слово чести. Да, парни?

Я немного подумала и была вынуждена признать:

– Заманчиво.

Вся свора в ответ радостно гоготнула. Рыжик, наоборот, помрачнел еще больше и потянулся к оружию, но я мягким движением его остановила:

– Не нужно. Думаю, мы договоримся. Не вмешивайся... пожалуйста.

Роар шумно раздул ноздри, ошетинился, в его зрачках метнулось недоброе пламя, но руку от меча он все же убрал.

Молодец. Чуйка на неприятности у него все-таки есть.

Я же тем временем подошла к скалящейся своре и, снизу вверх взглянув на рослого пса, который затеял эту нелепую ссору, хищно прищурилась. Затем краем глаза подметила, как из дома вышло несколько потенциальных свидетелей. Убедилась, что среди них нет нашего свирепого вожака,

и громко сказала:

– Господа, поскольку вы изволили проявить настойчивость, то считаю себя вправе согласиться на ваши условия. Как вы и просили, я оставила своего спутника, и в самое ближайшее время все мое внимание будет всецело принадлежать только вам. Взамен вы готовы уплатить назначенную мною виру. Все верно?

– Да, – ухмыльнулся чернявый.

– И у вас не будет никаких претензий, если сделка свершится, как было озвучено?

– Абсолютно никаких.

Я обвела спокойным взглядом всю свору:

– Вы все так считаете?

Псы неожиданно заколебались, но азарт все же взял верх, и они с готовностью закивали, предвкушая славное развлечение. И вот тогда я улыбнулась. А когда чернявый попытался схватить меня за руку, молниеносно отклонилась и, выбросив вперед правую руку, одним движением воткнула ее в грудь клыкастому недоумку.

Хорошо так воткнула. До хруста. До победного воя радостно восторженно встрепенувшегося зверя. Так, что мои согнутые и увенчанные когтями пальцы без труда пробили ребра и, сомкнувшись вокруг судорожно дернувшегося сердца, так же быстро вернулись обратно.

От удара пес вздрогнул, неверяще распахнув глаза, и просипел что-то невразумительное. Его лицо мгновенно посере-

ло, затем побелело и буквально закаменело, словно он никак не мог осознать случившееся. На какой-то миг наши взгляды встретились, и он снова открыл рот, словно собирался что-то крикнуть при виде моих пожелтевших глаз. Но перевел помертвевший взгляд на появившийся в моей руке окровавленный комок. Сдавленно захрипел, забулькал, захлебываясь хлынувшей горлом кровью. И в оглушительной тишине медленно завалился навзничь. Прямо под ноги оторопевшим подельникам, на глазах которых я только что вырвала еще живое сердце.

– Что здесь происходит?! – буквально на миг опоздал выскочивший на крыльцо Рокхет и непроизвольно замер при виде кровожадно оскалившейся меня.

Я же тем временем бросила сердце на развороченную грудную клетку. Демонстративно полюбовалась окровавленными пальцами, на концах которых заблестели немаленькие когти. И подчеркнуто медленно слизнув с одного из них еще теплую кровь, негромко мурлыкнула:

– Вира заплачена.

Глава 4

Из села нам пришлось уехать гораздо позже намеченного срока, но даже прибывший на место происшествия староста, одновременно исполняющий и обязанности судьи, был вынужден признать, что мои действия не противоречили закону.

Условия были дважды озвучены и дважды подтверждены. Ну а то, что больной на всю голову пес не признал во мне баскха и посмел оскорбить при свидетелях, или же то, что он не соизволил уточнить детали так называемой сделки, было уже не моей проблемой. Я поступила так, как считала нужным, и так, как лохматый того заслуживал.

После этого в нашей маленькой группе воцарилось некоторое – вполне объяснимое, надо признать, – напряжение, но я сделала вид, что не заметила, какими глазами на меня теперь смотрел Роар. Оно и понятно – баскхов в нашем мире, как я уже говорила, единицы, и мало кто мог похвастать, что знаком с кем-то из нас. Еще меньше тех, кто после этого сохранил здоровье, но в целом мы не особенно злые. Хотя, конечно, верили в это не все.

За ворота мы выехали все в том же гробовом молчании, провожаемые настороженными и откровенно испуганными взглядами селян. Но я не считала, что перегнула палку, хотя, конечно, сам факт частичной и почти мгновенной транс-

формации даже у них должен был вызвать искреннее непонимание.

Лесные тоже косились на меня с подозрением. А едва кони выбрались за пределы села, пришпорили скакунов, стремясь как можно дальше оказаться от места ссоры, скопления людей и до крайности недовольной собачьей своры, которую сегодня больно щелкнули по носу.

Единственным положительным следствием моего поступка было резкое изменение отношений с Рокхетом и его подчеркнуто вежливое обращение к моей жестокосердной персоне. Теперь, когда он своими глазами увидел, на что я способна, волк соблюдал максимальную осторожность и гораздо более цепко следил за тем, где лежат мои руки. Еще более внимательно он стал относиться к моим маленьким просьбам. И вообще стал вести себя как благоразумный оборотень, сумев до самого вечера ничем не огорчить впавшую в глубокую задумчивость даму.

К несчастью, лошадку Нарана нам пришлось заменить, потому что его коняшка все-таки умудрилась потянуть связку и была не в состоянии продолжать путь. Ее, разумеется, продали все в том же селе, купив взамен гораздо менее выносливую и совсем непривычную к оборотням клячу. Всю дорогу она испуганно косилась на седока, время от времени пыталась брыкаться, страшась мощного звериного духа. Само собой, быстро устала. Так что еще до наступления сумерек вожаку пришлось объявить привал, чтобы не остаться

посреди леса всего с двумя живыми лошадьми вместо трех.

Это было разумное, хотя и не совсем уместное решение, ведь по большому счету до друидов мы могли пробежаться и в звериных ипостасях. Ну и что, что волкам долгое пребывание во втором обличье не рекомендовалось? Сколько тут бежать-то? Неделя? Полторы? Если побольше есть и поменьше спать, то еще и раньше управимся.

Однако Рокхет рассудил иначе, поэтому нам все-таки пришлось сделать привал.

Я и на этот раз в обустройстве лагеря никакого участия не принимала. Но мужчины и без меня распрекрасно справились. Обязанности между ними были давно распределены, еды они тоже купили достаточно, так что в охоте не было необходимости. Хотя я бы, если честно, не отказалась: тот дурак раззадорил моего зверя, и теперь кровожадная натура требовала крови. Без разницы чьей.

Интересно, если поутру кляча Нарана не захочет продолжать путь, мне позволят ее загрызть?

– Даже не думай, – буркнул Рокхет, перехватив мой выразительный взгляд в сторону кустов, за которыми стреножили лошадей.

Эх. Ну нет так нет.

– Куда-то собралась? – снова насторожился вожак, когда я гибким движением поднялась и выразительно приняухалась.

– На охоту. Ты против? Или, может, желаешь составить компанию?

Под моим насмешливым взглядом серый неожиданно смешался.

– Не стоит, дружище, – чуть ли не впервые за два дня подал голос Наран. – Что-то мне подсказывает, что, если добычи в лесу не будет, она тебя же первого и сожрет.

– Фи, как некрасиво в подобном тоне отзываться о даме, – кокетливо поправила волосы я. – Вообще-то я оборотнями не питаюсь. Честное кошачье.

– Ну да, – хмыкнул Роар. – Пока не успела проголодаться.

Я кинула на него недовольный взгляд:

– И ты туда же, да?

– Простите, миледи, – тут же повинулся рыжик. – Ваше умение вырывать у людей сердца произвело на меня неизгладимое впечатление. Поэтому я заранее прошу прощения за все прегрешения, которые вольно или невольно успел сделать или еще сделаю за время нашего совместного путешествия.

Я прищурилась:

– Подлизываешься?

– Проявляю разумную осторожность, – поправил меня Роар, но в его глазах искрились смешинки.

Я милостиво кивнула:

– Тогда ладно. Прощаю. И даю слово, что в случае чего тебя буду кусать последним.

Рыжик от такого обещания поперхнулся лепешкой, Наран предпочел подвинуться так, чтобы лучше меня видеть.

И только Рокхет на грубоватую шутку ничего не сказал. Но он вообще сегодня был на удивление молчаливым. Не говоря о том, что на охоту меня отпустили без возражений и ни словечка поперек не сказали, когда часа через два я вернулась. Угу. Снова – без одежды, зато сытая и вполне довольная жизнью.

– Миледи, можно вопрос? – осторожно поинтересовался Роар, когда я с удовлетворенным вздохом растянулась на чем-то плаще и честно собралась подремать.

Пришлось приоткрыть один глаз:

– Какой?

– Все баскхи похожи на вас? – блестя глазами, спросил волчонок.

Я почесала затылок, но все же была вынуждена признать:

– Полагаю, что так.

– И все могут, как вы, трансформироваться частично и в любое время дня и ночи?

– Угу. Хотя раньше и остальные коты так могли, – ради справедливости заметила я. – Но любовь к сексуальным экспериментам лишила их этой привилегии, поэтому сейчас частичная трансформация доступна очень немногим.

– Значит, легенды не врут... – задумчиво протянул из темноты Наран и тут же спохватился: – Простите мой интерес, миледи, но нам до сих пор не доводилось сталкиваться с баскхами. Вы совсем не похожи на оборотня. Да и пахнете совершенно обычно.

Я снова угукнула: комментировать очевидные вещи было лень.

– А что вы еще умеете? – подавшись вперед, жадно посмотрел на меня волчонок. – Правда, что вы крупнее остальных кошек?

– Правда.

– И сильнее тоже?

– Да как сказать... среди горных котов тоже иногда встречаются достойные экземпляры, – невольно улыбнулась я и снова прикрыла веки. – Но, к сожалению, сейчас нечасто встретишь кота, который может сравняться в холке хотя бы с волком. Отец Ниал, к слову, в эту категорию попадает.

– А вы? – настороженно уточнил Наран.

– Моя вторая ипостась еще крупнее.

– Намного?

– Желаете проверить?

Оборотень откровенно задумался, но потом все же мотнул головой:

– Пожалуй, не сейчас.

– Ну и правильно, – сладко зевнула я. – Ночь – это время зверя. А мой, в отличие от ваших, все еще не приручен. И поскольку вы для него чужие, то не стоит проверять его выдержку.

Волки беспокойно переглянулись.

– В каком смысле не приручен? – озвучил их общий вопрос Наран. – Хотите сказать, вы его не контролируете?!

Я снова зевнула:

– Ну почему же? Контролирую. Если договоримся. А если нет, то рядом с ним лучше не появляться. Все, что выходит за рамки его понимания, неизбежно трактуется как враждебное.

Волки переглянулись снова. На этот раз – совсем тревожно, но я могла их понять. Когда рядом с тобой день и ночь находится неадекватный сородич, не способный справиться со своим зверем, дело дрянь. Утративший контроль оборотень опасен для себя и других. Поэтому у себя в лесах волки таких убивают, считая это актом милосердия.

Проблема в том, что у нас с ними разный подход к воспитанию вторых ипостасей. Лохматые годами приучают своих зверей к покорности. Сперва ломают им хребты и потом всю жизнь на них ездят, позволяя лишь минимум того, на что они в действительности способны. А мой зверь, как бы ужасно это ни звучало, до сих пор свободен. Гуляет где хочет. Делает что вздумается. За это он бесконечно мне благодарен, чаще всего соглашается проявить послушание, всецело доверяет моему мнению и позволяет без ограничений использовать его силу нам обоим во благо.

Вот, собственно, и весь невеликий секрет. Но волкам, как мне кажется, этого не понять. Даже коты – разнузданные, свободолюбивые и плюющие на ограничения коты – не рискуют делать то, что позволяют себе баскхи. Их зверь, хоть и чувствует себя вольготнее, чем у других видов, все же ощу-

щает на шее невидимую удавку. Каждый день. Каждую ночь. Как неприрученный, но увечный зверь, чьим мнением никто не интересуется.

Меня это всегда раздражало, но и вмешиваться, по большому счету, я не имела права. Каждый из нас сам выбрал свою дорогу. И сам должен был решить, какой длины поводок отмерить живущему внутри зверю. Ниал, к примеру, сделал свой поводок настолько длинным, насколько вообще смог, за что и получил некоторые привилегии. А остальные... что ж, Иллари им судья.

– Миледи, а вы не боитесь, что он возьмет верх? – после долгой паузы все же рискнул задать новый вопрос Роар.

Я, не открывая глаз, фыркнула:

– Не больше, чем тебя.

– Но ведь это опасно!

Я скривилась, однако на этот раз отвечать не стала.

Опасно держать зверя на поводке, наивно считая, что он никогда не сорвется.

Опасно ломать ему волю к жизни и потом ждать, что он сумеет оказать какую-то помощь.

Больные и увечные оборотни, не осознающие собственной ущербности, – вот настоящий бич нашего мира. Его самое больше горе и его же проклятие. Но я, к сожалению, ничего не могла изменить и уже давно не испытывала ни малейшего желания спорить. Хотя для тех, кто захотел бы попробовать жить иначе, была готова помочь всем, чем могла.

– Чужие, – вдруг встрепенулся почти затерявшийся в темноте Рокхет, когда я уже почти задремала, а волки надолго задумались.

– Что? – недоверчиво приняхался Роар, а Наран просто молча потянулся к оружию.

– Где-то недалеко чужие, – после напряженной паузы повторил вожак, расправляя плечи и поднимаясь на ноги. – Вставайте. Разбирайте оружие. Кажется, поспать этой ночью нам не дадут.

* * *

Рокхету я поверила сразу: у волков даже в человеческом обличье гораздо более чуткое обоняние, чем у нас. А вот насчет оружия это точно не ко мне, потому что такие, как я, кроме зубов и когтей, ничего при себе не носили. Зато лохматые, наоборот, привычно ошетинились сталью, достали из сумок кожаные доспехи и быстро облачились, к моему искреннему недоумению. Зачем, спрашивается, оборотню железки и броня, когда о нем уже природа позаботилась?

Впрочем, спорить я и сейчас не стала. Только отступила в сторонку. Пока волки были заняты собой, быстренько поменяла форму и ускользнула в темноту, чтобы лишний раз не искушать заскребшегося в нетерпении зверя.

«Тихо сиди, – велела я, тенью метнувшись за кусты и по-быстрому обежав поляну. – Когда понадобится, позову. И

будь добр, не забудь, что мы не одни».

Тлеющий в моем сознании посторонний комок, в котором пряталась звериная сущность, понятиливо умолк. Сейчас в его свирепости и силе мы не нуждались – на охоте в первую очередь требовались рассудительность, осторожность и умение анализировать. А это, как ни крути, свойства человеческого разума, так что зверь не протестовал. Но на всякий случай приготовился ко всему.

Вскоре ветер донес до моего носа шесть посторонних запахов.

Увы. Именно шесть, и ни одним меньше. Похоже, свора того шелудивого пса все же решила поквитаться. Хотя, если честно, не знаю, на что они надеялись, если один волк без преувеличения стоил троих таких неумытых, а вместе со мной псам и вовсе ничего не светило. Разве что они приготовили для нас неприятный сюрприз?

Опустившись на брюхо, я прижалась к земле и дальше принялась подкрадываться медленно, осторожно, таясь, словно рядом с дичью на охоте, и не производя ни малейшего шума.

Псы, как и ожидалось, шли от дороги. Благо ветер дул как раз в ту сторону и они могли не опасаться, что будут обнаружены раньше времени.

Как я и подозревала, все они находились в человеческих ипостасях, но почему-то шли, практически не скрываясь. Хотя нет... шли по лесу всего пятеро, с арбалетами напере-

вес. Тогда как шестой... а где, кстати, шестой? Я же учуяла его запах, но пока не увидела за деревьями! Ах вот он, родимый. Топают чуть в стороне и тащит в руке какую-то железку.

Что ж, удачный выбор. Тяжелых кольчуг лохматые не носили, а против кожаной брони арбалетный болт что остро заточенная игла против тонкого шелка – прорвет и не заметит. Но сейчас мы на них не нападём. Просто потому, что мне по-прежнему непонятно, в чем подвох. Даже с наличием арбалетов силы были явно неравны, и псы не могли не сознавать этого очевидного факта. Однако они все-таки шли к нашему лагерю. Причем уверенно. Нагло. Напрямик. И мне очень хотелось знать, что за козырь у них припрятан в рукаве.

Позволив им пройти мимо, я не в первый и не в последний раз порадовалась, что не имею характерного для обычных оборотней запаха, и двинулась следом, внимательно приглядываясь и прислушиваясь. В преддверии грядущей бойни даже ветерок, казалось, тревожно утих. Листва на деревьях перестала шептаться. А на удивление ярко святающая луна пугливо спряталась за набежавшее облачко.

Когда же псы добрались до поляны и встретили стоящих спиной к спине волков, я раздраженно поморщилась.

Вот и ответ, отчего псы вели себя так беспечно, а волки, наоборот, опасно промедлили. У лохматых имелась масса положительных сторон: верность слову и долгу, умение четко выполнять приказы, сила, скорость, прекрасные способности к владению холодным оружием. А еще трепетное от-

ношение к самкам и совершенно бесподобное, местами даже немыслимое для нелюдей благородство. Но тут-то и крылась самая главная проблема. Из волков с их своеобразным понятием чести получались прекрасные спутники жизни, заботливые мужья, великолепные отцы, умелые защитники и надежные охранники, но, к моему великому сожалению, скверные разведчики и стрелки. Арбалетами волки принципиально не пользовались – это, видите ли, неблагородно. Просто пойти и прирезать кого-то тихой темной ночью – это им тоже было не по душе. Мохнатым эстетам, понимаешь ли, только честный бой подавай. Чтобы лицом к лицу, глаза в глаза...

А псы такими мелочами не заморачивались.

Надо лежачего ударить – пожалуйста. Пырнуть ножом безоружного – вообще не проблема! За это их частенько называли не псами, а шакалами. За это же их породу мало кто уважал, но в определенных кругах их таланты ценились на вес золота. В этом смысле волки с их строгими принципами и никому не нужным благородством, как бы это помягче сказать, морально устарели. За что и будут сегодня расплачиваться. Если я им, конечно, не помогу.

А вот псы не боялись, что еще больше настораживало в плане подвоха. О том, что их встречают, тоже, естественно, догадались, но почему-то позволили себе подойти почти вплотную и демонстративно наставили на идейных противников заряженные арбалеты.

В один-единственный миг мир словно замер, давая нелю-

дям последний шанс одуматься и остановиться. Миг абсолютно мертвой, воистину оглушающей тишины, во время которой никто из присутствующих не сделал ни одного движения.

А потом тишина буквально взорвалась, и всего за один-единственный удар сердца произошло сразу несколько вещей.

Во-первых, волки одним слаженным движением рассыпались в стороны, чтобы арбалетный залп не лег слишком кучно и дабы иметь достаточное пространство для маневра.

Во-вторых, украдкой выглянувшая из-за облачка луна ненароком подсветила головки нацеленных в лохматых болтов, посеребрив их до отвращения знакомым блеском.

В-третьих, стоящий от меня дальше всех урод незаметно начал приподнимать свою непонятную железку, целясь Роару в грудь.

Наконец, в-четвертых, до меня все же дошло, что в деле участвует магия, а это, в свою очередь, моментально возводило невооруженного и неопасного с виду пса в ранг чрезвычайно важной цели. Быть может, даже важнейшей цели, которую устранять надо в первую очередь. Потому что если серебро нас всего лишь ранит и, застревая в телах, не позволяет совершить полноценный оборот, то магия убивает.

Вот почему псы вели себя настолько беспечно. И вот по какой причине волки не стали менять ипостась раньше времени: если серебряное оружие застанет их в человеческих

телах, то лохматые всего лишь временно утратят способность принимать звериную форму. А если они будут в волчьих ипостасях, то велика вероятность, что зверь попросту сойдет с ума. И тогда в мире появятся еще несколько полумных нелюдей, шансов вернуть которых к нормальной жизни будет катастрофически мало.

Я об этом, к сожалению, не подумала, потому что в последние годы слишком мало интересовалась людскими делами и позабыла, что такое оружие уже давно вошло в обиход, причем не только в королевской армии. А вот волки помнили. И не зная, кто именно и с какими «подарками» решил пожаловать, предпочли не рисковать.

Все эти мысли промелькнули в моей лохматой голове практически одновременно. Но еще до того, как они окончательно оформились, выпущенный на свободу зверь стремительно прыгнул, а пятеро псов практически одновременно спустили арбалетные скобы.

К несчастью, урод с магической железкой стоял слишком далеко, чтобы я избавилась от него прямо в прыжке. Пока арбалетные болты искали свои цели, я все еще летела ему наперерез. И лишь в самый последний момент, когда этот гад уже порывался нажать виднеющийся сбоку рычажок, я сбила его с ног, вмяла в траву и одним движением откусила голову.

Дальше раздумывать было некогда, поэтому, выронив из пасти чужую башку, я снова прыгнула, не обращая внимания

на раздающиеся тут и там вопли. Кто орал, было неважно. Но вот что я успела заметить, это то, что Роар все-таки упал. Наран, кажется, увернулся от залпа. А пятеро оставшихся в живых псов отбросили ставшие бесполезными железки и один за другим начали трансформироваться.

Вы когда-нибудь видели, как происходит оборот у обычных нелюдей?

Ну и хорошо, что не видели, потому что зрелище, надо признать, не для слабонервных. Хруст костей, выламывающая тело боль, жутковато изогнутые конечности и стремительно вытягивающееся, страшновато деформированное лицо, которое прямо на глазах обрастает шерстью и превращается в звериную морду.

Обычно этот процесс проходит тяжело, до крайности болезненно и неоправданно долго, что не только неудобно, но порой и опасно. Однако сегодня ни у волков, ни у псов не было времени на раздумья, поэтому смена формы происходила бурно, с воем, рыком, брызгами крови и летящими в стороны ошметками плоти, которые стали ценой за ускоренную смену ипостаси.

Не успев толком опомниться, псы рванули к отчего-то замешкавшимся противникам. Правда, одного из них я успела зацепить когтями, поэтому в атаку ринулись уже четыре оборотня. Но для ошетинившегося сталью Нарана и этого было слишком много. Тогда как Рокхет...

А где, кстати, Рокхет?

– Ур-р-р! – с ревом метнулся наперерез псам успевший принять боевую форму вожак, и у меня немного отлегло от сердца.

Значит, серебро его не зацепило. Отлично, плюс одна боевая единица в отряде.

«Свой», – на всякий случай шепнула я зверю, но тот уже ничего не слышал. С ревом и хрустом врубившись в ряды смешавшихся псов, он безостановочно рвал зубами и когтями все, что только попадалось под руку.

Пепельно-серый волк от него не отставал, и на совсем короткий промежуток времени на поляне воцарился полный сумбур. В котором испуганно ржали стреноженные неподалеку кони. Жалобно выли заживо раздираемые на части псы. Бешено хрипел отчаянно сражающийся за жизнь седой вожак. И победно выл мой беснующийся от крови зверь, которого вид умирающих врагов подчас превращал в настоящего монстра.

Все закончилось в считанные мгновения – круговерть оскаленных пастей, брызжущие во все стороны кровавые фонтаны, крики, вой... а потом на поляну вновь опустилась тишина. Причем настолько полная, что раздавшийся в ней щелчок сдвигаемого с места рычажка показался мне оглушающе громким. После чего я тревожно обернулась. Зверь, почуввав неладное, метнулся в сторону недобитого, уже успевшего принять человеческую ипостась обрубка, который каким-то чудом сумел подтянуться на руках и добраться до брошен-

ной первым уродом металлической палки. Я еще успела осознать, что ее острие, на котором уже вспух и метнулся через всю поляну неприятного вида черный шар, нацелено мне точно в грудь. А потом...

Что-то с невероятной силой врезалось мне в бок, отбрасывая с траектории удара.

Я негодуяще вскрикнула, больно приложилась затылком обо что-то твердое. Непроизвольно зажмурилась, когда на поляне ослепительно полыхнуло. А после того как в глазах перестали плясать черные точки, я обнаружила, что все еще жива, не ранена. Только башка гудит от мощного удара о дерево. А возле моих ног стремительно съеживается, возвращаясь в человеческое обличье, обнаженное мужское тело с безобразным черным пятном на груди, расплывающимся с ужасающей скоростью.

Глава 5

Миг осознания был пугающе краток.

Казалось бы, только-только на поляне закружился вихрь смертельного боя, но схватка уже закончилась. Успевший выстрелить пес, уронив голову в траву, затих и больше не двигался. Роар сдавленно захрипел и попытался подняться, но тут же повалился, неловко зажимая пробитое арбалетным болтом плечо. Наран, выронив из рук окровавленный меч и отпихнув разрубленную надвое тушу, кинулся помогать молодому волку. А Рокхет, каким-то чудом успев закрыть меня собой, окончательно перешел в человеческую форму и замер, уставившись в потемневшие небеса застывшим взглядом.

Я тихо рыкнула, откровенно не зная, что предпринять и кому из мужчин реально нужна моя помощь. Роар был ранен, но все-таки жив. Серебряный болт вошел глубоко в мышцы, порвал крупный сосуд, но рана даже так не выглядела смертельной. Оборачиваться парень какое-то время не сможет, но от самого страшного его уберегла знаменитая волчья регенерация. Наран тоже был ранен – от него пахло железом и солью. А быстро расползающееся на левой штанине пятно красноречиво свидетельствовало, что и второму волку арбалетный залп даром не прошел. К тому же его еще и когтями успели зацепить, пока он безуспешно пытался сменить фор-

му. Хорошо хоть, вовремя сообразил, что после такой раны вызывать оборот бесполезно, и использовал по назначению меч.

А вот Рокхет...

Увернувшись от серебра, не получив серьезных ран во время основной схватки, упрямый вожак в итоге пострадал больше всех. И я, замерев над его неподвижным телом, оказалась перед сложным выбором, пытаюсь понять, хочу ли я, чтобы этот оборотень выжил.

В конце концов я пришла к выводу, что он только что спас мне жизнь, поэтому заслуживает хотя бы мизерного шанса. После чего бесшумно подошла, нависла над еще теплым телом и, тихо вздохнув, опустилась прямо на него.

Волк под моей тяжестью чуть вздрогнул, и из его груди вырвался совсем уже легкий, невесомый, по-видимому, последний вздох. Тогда как я настойчиво потянулась к его лицу, так, чтобы наши губы почти соприкоснулись. Прикрыла глаза и мысленно взмолилась в надежде, что меня услышат.

Наши боги – странные создания. Порой равнодушные и черствые, иногда они были способны на удивительное милосердие. Обычно их не интересовало, во что мы верим, как живем и ходим ли в храмы по выходным. Однако искреннюю молитву боги слышали всегда. И иногда – если хотели, конечно, – могли на нее отозваться.

Выглянувшая из-за туч луна вдруг разгорелась с неожиданной силой и в одно мгновение осветила заваленную тела-

ми поляну мертвенно-желтым светом, бесстрастно высветив изуродованные трупы, окрасившуюся кровью траву, разбросанное оружие, раненых оборотней. Обласкала мою спину и щедро вызолотила черные шерстинки на загривке. Словно золотой водопад, ее свет скользнул по моим широко расставленным лапам, осветил кончики треугольных ушей, игриво соскользнул с недовольно сморщившегося носа и невесомым покрывалом накрыл лежащего на земле оборотня.

Рокхет уже не дышал – заклятие в той палке и впрямь оказалось смертельным. Однако выглянувшая луна, щедро осветив его душу, отчего-то не захотела его отпускать. То ли потому, что все это время я торопливо молилась, то ли просто поверженный волк и у нее вызвал симпатию, но луна беззастенчиво гладила его своими полупрозрачными лучиками. Красиво вызолотила его светлые ресницы. Бережно приласкала рассыпавшиеся по плечам волосы. Легкими бликами заплескала на помертвевшем лице, то глядя его, словно нежная любовница, то снова пугливо отдергивая пальцы. Но потом ее свет собрался в две яркие точки, которые отразились в широко распахнутых глазах мертвого волка и спустя несколько мгновений полностью в них растворились, после чего поляна вновь погрузилась в непроглядную темноту.

– Живи, – шепнула я, выскользнув из звериной формы и все так же низко склонившись над распластанным оборотнем. – Живи, волк. Богиня решила дать тебе еще один шанс.

Рокхет не ответил, но, как только я скрепила сделку

крепким поцелуем, неожиданно выгнулся, захрипел и совершил долгожданный, прерывистый и наверняка мучительный вздох.

М-м-м... какие у него, оказывается, губы. Мягкие, горячие, сухие. Если бы мне раньше сказали, что я буду с таким удовольствием целовать какого-то там волка, ни в жизнь бы не поверила. Но поди ж ты! Практически лежу на нем, целую, не могу оторваться, и мне, бездна, это нравится!

– Миледи! – ахнул Наран, когда вожак подо мной дернулся, его пальцы скрючились, а мутный взгляд невидяще зашарил по сторонам. – Что вы делаете?!

Я напоследок лизнула губы волка, жадно хватавшего ртом воздух, и со смешком отстранилась.

– Уже ничего. Закончишь с Роаром, помоги ему. А ты, мой дорогой, – мурлыкнула я на ухо вожаку, – спи. Сегодня воевать больше ни с кем не понадобится.

Рокхет, когда я отстранилась, все же сумел поймать мой насмешливый взгляд, но потом его глаза непонимающе моргнули. Потяжелевшие веки опустились, и, будучи не в силах противиться навалившейся усталости, оборотень снова обмяк, даже не заметив, что безобразное пятно на его груди бесследно исчезло.

– Миледи! – настойчиво позвал Наран. И даже скрипящий зубами Роар, из плеча которого собрат только что вытащил серебряный болт, ошарашенно на меня воззрился. – Вы вернули его к жизни!

– Не я. Богиня.

– Какая еще богиня?!

Я одним гибким движением оказалась на ногах, улыбнулась и перетекла в звериную форму. При виде неподдельной оторопи оборотней раздвинула губы в недоброй усмешке, но задерживаться на поляне не стала – ушла на речку мыться. Но напоследок все же одарила спящего волка изучающим взглядом и с удивлением поняла, что даже в таком виде этот мужчина кажется мне привлекательным. Более того, мой непримиримый зверь принюхивался к нему крайне заинтересованно. А исходящий от волка сильный, густой, весьма своеобразный запах больше не казался ему ни неприятным, ни вызывающим.

Это было неожиданное открытие, которое требовало осмысления. Поэтому плавала я долго, думала еще дольше, к волкам вернулась только через пару часов и, к собственному удивлению, обнаружила, что за это время Наран успел не только перевязать рыжика, но вдвоем с Роаром они умудрились свернуть временный лагерь и перенести его подальше от залитой кровью поляны. Даже лошадей увели, чтобы не пугались трупов. Да еще соорудили самодельные носилки и как раз грузили на них спящего вожака.

Подумав и одевшись, я все-таки помогла им с вещами. А когда Рокхета устроили на новом месте и Наран развел еще один костер, вольготно развалилась на заранее оккупированной попоне.

– Так что все-таки произошло? – внимательно посмотрел на меня Наран, перестав волноваться за здоровье старого друга. Роар тоже подсел к огню, неловко прижимая к груди раненую руку, но смотрел так же остро и настороженно. Правда, враждебности в его взгляде не было.

Ну что ж, все правильно. Они уже успокоились, все обдумали, разобрались со своими ощущениями и теперь хотели знать, чему именно стали свидетелями. Вполне понятное желание, кстати. На их месте я бы уже взяла меня за грудки и хорошенько встряхнула в ожидании правды.

– Что вы знаете о происхождении оборотней? – прикрыв глаза, осведомилась я.

Волки, не ожидая такого вопроса, откровенно смешались.

– Ты имеешь в виду нас? – осторожно уточнил Роар.

– Вас. И нас. Всех.

– Ну... считается, что первые двуликие появились еще на заре времен по воле светоносного Роттара.

Я благожелательно кивнула:

– Так гласят легенды. Но есть несколько уточняющих моментов. К примеру, то, что волков, медведей, лис и прочих клыкастых действительно сотворил Роттар в момент душевного подъема. Вскоре после того, как в мир пришел первый человек. Принято считать, что люди чем-то огорчили солнцеликого. Оказались не так хороши, как ему бы хотелось, поэтому в один из дней верховный решил создать улучшенную, так сказать, версию и подарил одному из людей вторую

ипостась. Отсюда пошел ваш род.

– Наши предания говорят о том же, – наклонил голову Наран. – Роттара мы до сих пор чтим как своего создателя. Благодаря ему от самого первого нашего предка потом пошло несколько родов: лесные, степные, равнинные...

– Да. Но они все были волками, некоторые ветви которых за тысячелетия, к сожалению, выродились в псов и шакалов. А как, по-вашему, появились кошки? – испытующе посмотрела я на серого. – Ты ведь не будешь отрицать, что ничего общего у нас с вами нет, за исключением второй ипостаси?

Тот открыл было рот, но потом подумал и снова его закрыл.

– На этот счет есть еще одна легенда, – понимающе улыбнулась я. – Она гласит, что после того, как светonosный Роттар создал солнце, землю и первого в мире оборотня, его супруга, луноликая Иллари, захотела привнести во вновь созданный мир что-то свое. Но солнцеликий вроде бы все учел. И заселил земли всеми мыслимыми и немыслимыми видами растений, животных и птиц. Даже человека сумел в какой-то степени улучшить. Иллари же хотелось чего-то необычного. Того, до чего Роттар еще не додумался. И вскоре взгляд богини обратился на ее питомицу, которую обожаемый супруг создал в единственном экземпляре и специально для нее. Вы когда-нибудь заглядывали в храмы верховных, Наран?

У волка округлились глаза.

И неудивительно – луноликую Иллари издревле изобра-

жали сидящей на высоком троне на традиционных золотых одеяниях и с маленькой короной в распущенных волосах. А еще, согласно канону, на коленях богини всегда присутствовала кошка – самая обычная, черная как ночь кошка с золотыми глазами, которые символизировали солнце и луну.

– Иллари показала очень удачной идея подарить своей любимице разум и вторую ипостась, – усмехнулась я, когда до лохматых дошло, что к чему. – Но если Роттар одарил людей звериной формой, то Иллари дала зверю форму человеческую. Так появилась Кхеметт. Единственная в своем роде женщина и одновременно кошка, которая дала жизнь всему нашему племени и которую за это стали почитать как младшую богиню. Считается, что ее потомки унаследовали характерную внешность, силу, цвет шкуры и заодно покровительство Иллари. Потом кошачья кровь смешалась то ли с волчьей, то ли с человеческой, а то ли еще с какой. И тогда появились множество подвидов: серые, рыжие, белые, черные с подпалинами... Одни поселились в лесах, другие освоили пустыню и горы. Некоторые наловчились выживать в подземельях. Ну а баскхи, как утверждают, сохранили чистоту крови, поэтому выглядят так же, как и тысячу лет назад. А еще, говорят, в них живет та самая божественная искра, которую остальные виды за прошедшие века успели утратить.

– А я думал, враки все это, что баскхи способны исцелять даже смертельные раны, – прошептал Роар.

Я фыркнула:

– Мы не способны. Оборотням, если помнишь, магия не дана. Но нас хранит сама верховная богиня. Поэтому иногда, если очень нужно, мы можем попросить ее об услуге. И Иллари чаще всего откликается, поскольку всегда была к нам неравнодушна.

– То есть сегодня, миледи, вы попросили ее сохранить жизнь нашему другу?

– Да, – вздохнула я, кинув взгляд в сторону безмятежно дрыхнувшего вожака. – И, на ваше счастье, Иллари не отказала.

– А какова цена? – задал совершенно правильный вопрос Наран.

Я отвела взгляд:

– Наша покровительница милостива. Ее заботами мы долго живем, почти не боеем и до самой смерти сохраняем прекрасную форму. Но иногда, скажем так, Иллари становится очень требовательной богиней. И нам волей-неволей приходится исполнять ее прихоти.

Угу. К примеру, терпеть, когда прямо на глазах рушатся наши планы. Или же тащиться за тридевять земель, чтобы лишний раз увидеться с друидами.

Сложность в том, что лунолика, как бы нелепо это ни звучало, все еще присматривала за своей любимицей и всем ее детям оказывала покровительство. Правда, порой оно было несколько навязчивым, но верховной ведь не откажешь. Да и спорить с ней по этому поводу бесполезно.

– Значит ли это, что на вас, миледи, теперь висит долг? – нахмурился Наран.

– Одним больше, одним меньше... – пожала плечами я. – Мне показалось, оно того стоит. Тем более ночь сегодня лунная, а значит, Иллари с большей вероятностью могла меня услышать.

Какое-то время волки озадаченно молчали, переваривая услышанное, а потом серый все же рискнул задать еще один важный вопрос:

– Чем это может грозить Рокхету?

Я сделала успокаивающий жест:

– Он поправится. До утра проспит, потом еще какое-то время будет слаб и очень-очень голоден, поэтому вам придется его кормить. Когда он восстановится, мы сможем продолжить путь. Но, возможно, первое время он будет чувствовать себя неважно и может стать несколько неуравновешенным.

– На его зверя это как-нибудь повлияет?

– Скорее всего, он станет сильнее. Вашему другу придется научиться с этим жить.

– А сколько времени он будет восстанавливаться?

– Зависит от него. Может, через день на ноги встанет. А может, и через час подхватится и побежит.

– Надо ли нам понимать, что долгов перед верховной богиней у Рокхета после этого никаких не останется? – осторожно подбирая слова, озвучил свое беспокойство Наран.

Я мысленно хмыкнула:

– Это только мой долг, можешь не переживать.

– А зачем вы решили его взять на себя, миледи? – с какой-то детской непосредственностью поинтересовался Роар.

Хм.

Хороший вопрос, мальчик. Но боюсь, мне пока нечего на это ответить.

* * *

На следующий день я проснулась поздно, да еще в звериной ипостаси, как нередко бывало, если доводилось заночевать в лесу. Перекинуться во сне для меня – вполне нормальное явление, даже, я бы сказала, естественное. А волков я еще вчера предупредила, чтобы не лезли. Они и не лезли, хотя сами подхватились чуть ли не на рассвете и немедленно занялись делами. Костер там разжечь, воды натаскать – сквозь сон я слышала, как они возились, но по-настоящему проснуться соизволила, только когда солнце стояло уже в зените.

Приютившее меня раскидистое дерево тревожно закачалось, когда я, сладко потянувшись, спрыгнула вниз. А вот лежащий под ним вожак не пошевелился, когда я склонилась над ним и с интересом принялась.

Все еще спит. Вечером Наран его обтер, смыв с кожи кровь и грязь, но в себя Рокхет явно не приходил. Как его

уложили, так и лежал, ни разу даже не повернувшись.

Я осторожно лизнула его в губы.

Теплые. Вкусные. Но все еще очень сухие. Напоить бы его надо... и накормить к тому же.

В этот момент кусты зашуршали и на поляне появился Наран с окровавленным ножом в одной руке и куском мяса в другой. Ага. Похоже, парни с утра еще и поохотились – я даже отсюда чую запах убиенного кабаненка. Разделявать его непосредственно в лагере никто, разумеется, не стал, но мужчины не зря устроили стоянку неподалеку от лесного озера. Роар, похоже, все еще на берегу, занимается разделкой. А Наран вернулся проверить самочувствие друга и бросить заодно в бурлящий над костром котелок кусок сочной вырезки.

При виде меня волк настороженно замер, но стоило мне отойти от Рокхета, как он тут же расслабился. Мясо в его руке выглядело аппетитно, но, к сожалению, его было слишком мало, поэтому я отвернулась и потрусила к озеру в надежде, что от кабанчика что-то осталось и я смогу накормить своего зверя до того, как он по-настоящему проголодается.

Правда, когда я добралась до берега, есть мне резко расхотелось. А все потому, что Роар, закончив с разделкой, в этот самый момент спустился к воде и, закатав штанины до колен, принялся полоскать испачканную рубашку. При этом стоял волчонок ко мне спиной, демонстрируя не только обнаженный торс, но и крепкие ягодицы. И выглядел до того соблаз-

нительно, что я, каюсь, не утерпела. Даже облизнулась, глядя на молодое здоровое тело. А затем припала к земле, подкралась и прямо с берега прыгнула, обеими лапами цапнув стройные мужские бедра и от души куснув парня за аппетитную попу.

Мр-ряу!

Не ожидавший такого волк буквально взвизгнул, рванулся прочь и, не удержав равновесия, с шумом плюхнулся в воду. На мгновение ухнул туда с головой, подняв тучу брызг. Пробылькал что-то нецензурное. Но тут же вскочил, проворно развернулся и при виде скалящейся меня совершенно искренне возопил:

– За что?!

Я едва не закашлялась от смеха.

Что значит: за что? Захотелось, вот и укусила. Да и разве можно было пройти мимо такой замечательной попы? Симпатичная, округлая, крепенькая, как спелое яблочко. Кто бы на моем месте отказался вонзить в нее зубы? Зато сейчас волчонок стал еще забавнее – красный как вареный рак, всклокоченный, мокрый, прямо ути какой хорошенький. Даром что злой.

И незачем так сверкать глазами. Крови нет, ран нет, ничего я ему там не прокусила. И вообще, пусть спасибо скажет, что не выпустила когти, не то пришлось бы во второй раз просить богиню об услуге.

– Что случилось? Роар, ты чего орешь? – спросил Наран,

поспешно выметнувшись на берег.

Я закашлялась еще сильнее и одним прыжком вернулась к кустам, чинно усевшись на землю и обвив лапы длинным хвостом. Тогда как рыжик, одарив меня возмущенным взглядом, ожесточенно потер пострадавшую ягодицу.

– Просто некоторые тут охотиться вздумали. И ладно бы на дичь, а то им, понимаешь ли, волков на завтрак подавай!

Ой-ой-ой, какие мы нежные. Неужто мальчик обиделся на невинную шутку? Ну и богиня с ним. Пойду оленя задеру, раз он такой глупый.

Фыркнув, я отвернулась и неспешно направилась обратно в лес, оставив оборотней одних. А когда вернулась, то оказалась приятно удивлена, обнаружив, что Рокхет все-таки пришел в себя и теперь с аппетитом уплетает сытное мясное рагу.

Выглядел он намного лучше, чем пару часов назад. Сидел вполне уверенно. Рука, держащая ложку, почти не дрожала. А вот в мою сторону лохматый покосился довольно странно, словно вот-вот ожидал какой-то гадости и как раз пытался понять, откуда ее надо ждать.

Пфф.

Приблизившись, я заглянула волку через плечо и, втянув ноздрями идущий от котелка густой аромат, плотоядно облизнулась. Затем ткнулась носом лохматому в шею. Мысленно хмыкнула, когда тот ощутимо напрягся. Но не удержалась и прикусила ему кожу клыками, заранее приготовив-

шись к негодующему воплю. Однако Рокхет оказался адекватнее рыжика и не издал ни звука, пока я над ним издевалась. Только ложка в его руке явственно дрогнула да жилка под моими зубами тревожно забилась.

После этого я решила, что хорошего помаленьку, и отстала. Но отмерли лохматые лишь после того, как я взобралась на облюбованное с ночи дерево, развалилась на ветке и сделала вид, что сплю.

В остальном день прошел спокойно. Оборотни меня не трогали, я их, в общем-то, тоже. И с учетом того, что Рокхет не задал ни одного вопроса насчет вчерашнего, я пришла к выводу, что остальные уже успели рассказать ему все в подробностях. Благодарностей, само собой, я не дождалась, но вот уж это меня совершенно не расстроило: судьбу волка решала Иллари. Так что по большому счету благодарить надо было именно ее.

Вечером, не спрашивая ни у кого разрешения, я снова сбежала в лес, правда, не на охоту, а просто размяться. Загоняв до полусмерти очередного оленя и напугав его до поросячьего визга, знатно повеселилась. А когда вернулась и обнаружила, что лохматые всем составом залезли в озеро и старательно моются, аж замурчала, предвкушая славное развлечение.

Стоило признать, волки очень щепетильно относились к вопросам гигиены, и за прошедшие дни мне ни разу не довелось упрекнуть их в нечистоплотности. От них не пахло ни

потом, ни грязными портянками. Каждый вечер они в обязательном порядке обтирались и чистили одежду. Причем старались делать это в стороне. Так, чтобы я не видела.

Смешные, да?

Ну да волки есть волки. Иные люди так не носятся со своим благородством, как эти странные типы. Этого им делать нельзя, туда смотреть не положено – в их консервативном обществе бытовало столько ограничений, что я порой просто диву давалась. Причем речь даже не о лохматых аристократах – волки все такие. И если не велят им традиции менять портки на глазах у дамы, лохматые и не будут их менять, предпочтя отстирывать одежду прямо на себе.

Бесшумно выйдя из леса, я уселась на берегу и довольно прищурилась.

Хм. Ка-а-акой тут открывается замечательный вид! Оказывается, у волчонка вся грудь покрыта симпатичными рыжеватыми завитушками, и даже на спине их успело вырасти немало. Густые, забавные, в свете звезд они заманчиво поблескивали, постепенно сбегая от широкой груди вниз, к животу. И узкой дорожкой уходили от пупка прямо под воду, заставляя гадать, так ли хорош волчонок, как мне думается.

Наран выглядел еще более внушительно, чем Роар, только зарос в буквальном смысле слова до подбородка, словно вот-вот собирался обратиться. А вот у Рокхета лохматость оказалась вполне умеренной. Не так, как я люблю, но все же гораздо лучше, чем у старого друга.

Вообще, если уж сравнивать волков с котами, то мужчины нашей породы все больше гибкие, узкокостные и жилистые. А эти как на подбор – мускулистые, здоровенные. Двигаются неторопливо, размеренно, словно не моются, а, бездна их задери, совершают омовение в королевских купальнях! С одной стороны, смешно было наблюдать, как это происходит в мутном от поднывшего ила озере. А с другой, как ни крути, на здоровые мужские тела всегда приятно посмотреть.

Когда же лохматые поняли, что за ними наблюдают, стало еще интереснее. Они сперва озадачились, потому что ни одна волчица не позволила бы себе то, что делала я. Затем нахмурились, поняв, что мне это безумно нравится. И наконец занервничали, потому что, когда пришла пора вылезать из воды, я все так же нахально их изучала и не собиралась никуда уходить.

– Миледи, может, вы отвернетесь? – первым подал голос Наран, выжидательно на меня уставившись.

Я вместо ответа развалилась на траве и насмешливо фыркнула.

– По-видимому, это означает «нет», – перевел мои действия Рокхет. Наран после этого смешался, а на скулах рыжика снова вспыхнул предательский румянец.

Ой, не могу. Да любой кот на его месте, наоборот, приосанился бы и вышел, стараясь сделать это как можно соблазнительнее! Всего себя показал бы в надежде, что я заинтересуюсь. Обнаженное тело, что мужское, что женское, это ведь

так естественно! А если оно при этом еще и красиво, то сам бог велел его демонстрировать. Но увы, волки моего мнения не разделяли, поэтому еще дальше попятились в воду, чтобы я, не дай бог, не увидела, что там и какой длины у них растет. Совсем закомплексованные, что с них взять? И как таким объяснить, что это преступление – прятать такие роскошные тела под одеждой?

На пару мгновений над озером повисла гнетущая тишина. Но потом Рокхет скривился и, отбросив с лица влажные волосы, первым двинулся к берегу. И правильно, я его уже всего видела, с ног до головы, так что ничего нового он мне показать по определению не мог. Но я все равно не без удовольствия наблюдала, как его сильные бедра разрезают темную воду, как медленно стекают по широкой груди влажные капельки. Едва не расхохоталась, когда выбравшийся из воды волк совсем уж по-звериному встряхнулся. И лишь когда он начал так же неспешно вытираться, со смешком перевела взгляд на остальных.

Ну? Дозрели? Хватит ли у вас смелости повторить подвиг вожака?

Увы и ах. Наран, дождавшись, когда Рокхет натянет штаны, попросил кинуть ему полотенце и только так, повязав его вокруг бедер, рискнул показаться мне на глаза. Роар и вовсе предпочел обойти по дуге растущий у самой воды большущий куст. Скрывшись за ветками, попросил помощи уже отсюда. И только после того, как оделся, выбрался на берег, ре-

шив, что намокшие штаны – гораздо меньшая трагедия, чем мои возможные насмешки и домогательства.

Эх...

Я разочарованно вздохнула.

Вот в том числе и за это не люблю волков: они излишне чопорные, щепетильные где не надо и почти такие же скучные, как друиды. Ну да ладно. Завтра-послезавтра мы снова тронемся в путь. А по дороге я им обязательно отомщу.

Глава 6

Мсть моя начала реализовываться той же ночью, и, как водится, первым пострадал решивший навестить кустики Роар. Подкравшись к нему с подветренной стороны, я в самый ответственный момент с устрашающим рыком выскочила из кустов и сделала вид, что вот-вот цапну его за горло.

Бедный волчонок от неожиданности шархнулся прочь, разжал руки и вместо травы намочил ни в чем не повинные штаны. Выругался, конечно. Но очень тихо. Скромно. После чего, даже толком не оправившись, поспешил вернуться к костру, наивно полагая, что на этом все и закончилось.

Бедняга. По пути я еще три раза успела его атаковать, без предупреждения наскакивая из темноты. Сбивала с ног. От души вываляла в траве и щедро вымазала в травяном соке. Растрепала всего. Разозлила донельзя. Но даже после возвращения не оставила в покое и всего за полчаса довела до того, что несчастный рыжик стал вздрагивать от каждого шороха. А когда я сменила ипостась и, подобравшись поближе, сочно причмокнула у него над ухом, мальчик аж взвился и практически сбежал обратно в лес, заставив меня сдавленно захихикать.

Следующим на очереди оказался Наран, которого я нахально разбудила посреди ночи. Причем разбудила тем, что просто упала на него сверху, свободно разлеглась, как на

мягкой подушке, и потом с блаженной улыбкой слушала раздающееся снизу натужное пыхтение, перемежаемое то угрозами, то мольбами не ломать ему кости. Оно и неудивительно – в звериной ипостаси я была крупнее его раза в полтора и весила почти в два раза больше.

Не спрашивайте только, как такое стало возможно, и почему в человеческой ипостаси мой вес составлял едва ли треть от веса звериной. У всех остальных пород кошачьих, как и у волков, масса тела в различных формах оставалась примерно одинаковой. Но баскхи, носители той самой чистой крови, которая по прихоти Иллари приобрела совершенно особые свойства, испокон веков нарушали все существующие в мире законы. Просто потому, что наше появление стало результатом прихоти верховной богини. А единственным неприятным следствием ее вмешательства в нашу природу был и оставался резко повышенный аппетит, который становился особенно сильным после смены формы.

Одним словом, у Нарана не было ни единого шанса. А когда он попытался взбрыкнуть, я просто положила лапу ему на голову и чуток придавила, чтобы он осознал, насколько я была к нему добра.

Поскольку моя лапа шириной была в половину его морды, то волк проникся и смиренно попросил прощения. Только после этого я соизволила его отпустить и, напоследок прикусив клыками холку, милосердно отошла в сторону.

Рокхета трогать не стала, потому что он, в отличие от

остальных, сумел меня недавно порадовать. А вот за то, что поутру этот нахал посмел меня разбудить раньше полудня, я все-таки решила его наказать. Правда, не сразу. Когда лохматые собрались, оседлали коней и выбрались на дорогу, я сперва нахально забралась к жожаку на колени и, уютно устроившись, задремала, добирая те часы, которых не хватило утром. А вот когда проснулась, испытала прямо-таки нестерпимое желание похулиганить. И, поскольку своим желаниям привыкла потакать, немедленно принялась за дело.

Для начала я уселась в седле спиной вперед и, обхватив волка ногами за талию, старательно обнюхала его шею, неожиданно обнаружив, что запах у лохматого стал еще более насыщенным, чем раньше. Потом принялась внимательно изучать гладко выбритый подбородок и острую линию скул, хищные обводы которых определенно привлекали внимание. Сперва просто оценивала, тихонько намурлыкивая под нос что-то умиротворяющее. Затем решила потрогать, не отказав себе в удовольствии пощекотать недовольно сопящего оборотня кончиками пальцев за ушком и едва не рассмеявшись, когда Рокхет раздраженно отдернул голову.

Ой, какие мы недотроги... Но куда ты денешься, дорогой, если тут даже развернуться негде?

Когда волк отдернул голову во второй раз, я придвинулась ближе и нахально провела пальцами по его шее – от подбородка до опрометчиво расстегнутого ворота, из-под которого выглядывали жесткие волоски. Вообще-то излишнюю

растительность на мужских телах я не уважала, но у волков иначе не бывало. Брей их, не брей – после первого же оборота повышенная лохматость возвращалась в полном объеме, и ничего с этим поделать было нельзя.

С котами проще – благодаря милости богини, в человеческом облике мы сохраняли гладкую кожу и абсолютно не мучились с избыточным волосяным покровом. Но сегодня мне было важно подвести жожака к пониманию, что игнорировать мои желания может быть опасно для здоровья, поэтому я гладила его и увлеченно ласкала грубую кожу. До тех пор, пока волк не зарычал и не перехватил своими огромными лапищами мои шаловливые ручки.

– Хватит, – жестко сказал он, уставившись на меня сверху вниз опасно пожелтевшими глазами.

Я изогнула губы в коварной улыбке:

– А то что? Накажешь меня? Обругаешь? Отшлепаешь? А может быть... м-м-м... поцелуешь?

Оборотень раздраженно выдохнул и отвернулся, посчитав ниже своего достоинства отвечать кошке. А руки завел мне за спину и уже там перехватил поудобнее, чтобы они не лезли ему в глаза.

Ха-ха.

Я изогнулась и из вредности прижалась к лохматому всем телом, благо поза этому способствовала. А на свирепый взгляд лишь рассмеялась, наглядно демонстрируя, что испытывать его терпение могу и без рук. Для этого достаточно

было лишь время от времени касаться его грудью, покачиваться в такт движениям лошадиной спины и тереться об него животом, бедрами, всем телом. Собственно, мне даже не требовалось ничего говорить и делать, чтобы вызвать у сидящего рядом мужчины прилив вполне объяснимого желания – желания удавить меня, если кто не понял, а вовсе не того, о чем вы сейчас подумали.

Глухо рыкнув, Рокхет в какой-то момент дернул за скрепленные за спиной руки, заставив отстраниться, но лучше после этого не стало. Потому что воинственно торчащая грудь внезапно оказалась перед самым его носом. Равномерно приподнимаясь и снова опускаясь вниз, она продолжала дразнить, притягивать внимание. Заставляла злиться еще больше и метаться взглядом по сторонам, не зная, куда девать глаза от такого безобразия.

– Кошка блудливая! – процедил в конце концов волк, а затем не выдержал, и обхватив меня за талию, рывком заставил сесть боком и на всякий случай стиснул второй рукой, чтобы не рыпалась. А мне только того и надо – перехватив беспокойный взор Роара, я лихо ему подмигнула. А когда натолкнулась на осуждающий взгляд Нарана, подвинулась так, чтобы лучше его видеть. И, обхватив руками мощное плечо, перегораживающее обзор, задала крутившийся в голове вопрос:

– Скажи-ка, лохматый друг мой, а тебе ничего странного не показалось в тех шавках, которых мы порвали на ленты

позапрошлой ночью?

Плечо под моими пальцами напряглось, но я сделала вид, что не заметила. А вот Наран откровенно помрачнел:

– Мне очень не понравилось их оружие, миледи.

– Ты прав: оборотни обычно не таскают в карманах серебро. Да еще столь специфического назначения.

Наран метнул в мою сторону острый взгляд, но ничего на это не сказал.

– Ты тоже думаешь, что они неспроста захватили с собой именно это оружие? – прищурилась я. – В обычном селе такое не купишь, в том числе магический жезл, из которого едва не убили вашего друга. Но за нами псы двинулись практически сразу. Значит, «игрушки» носили при себе. И судя по тому, как уверенно ими пользовались, это было их привычное снаряжение.

– Да, миледи, – все-таки неохотно отозвался волк, отведя глаза. – Похоже, шакалы охотились в этих краях специально. И отнюдь не на простых людей. Похоже, мы наткнулись на команду убийц.

Я задумчиво кивнула.

Эта мысль крутилась в моей голове с того самого мига, как я увидела серебряные болты. Недешевые, прямо скажем, вещицы. Простым наемникам точно не по карману. Но думать о том, что кто-то из двуликих, пусть даже из беспринципных псов, охотился на своих же собратьев ради наживы, было, прямо скажем, неприятно.

– М-да. Болты у них непростые, – обронила я, придя еще к одному нехорошему выводу. – Роар, у тебя ведь плечо еще не зажило?

– Повязка сухая, – тут же насупился волк.

– Но руку ты по-прежнему бережешь...

Угу. И даже не попытался ударить, когда я откровенно его спровоцировала.

– Кто-нибудь догадался осмотреть арбалеты этих уро-
дов повнимательнее? – спросила я, справедливо заподозрив
неладное.

Наран поморщился:

– Мы забрали болты. Трубка, из которой в нас целились,
оплавилась после выстрела, так что она для нас бесполезна.
А вот болты мы хотели друидам показать. Может, они под-
скажут, чья это работа?

– Просто так вы бы не стали этого делать, – моментально
насторожилась я. – В чем дело? На них был яд? Что-то еще,
о чем вы мне не сказали?

Лохматые быстро переглянулись и промолчали.

– Мальчики-и-и, – пропела я, одарив их преувеличенно
ласковым взглядом. – Я ведь могу в следующий раз не попро-
сить, а потребовать. И должна предупредить: вам это не по-
нравится.

Наконец Роар тяжело вздохнул:

– Нет, яда мы не обнаружили. Но, похоже, болты еще и
заговорены, миледи.

– Почему ты так решил?

– Потому что прошло уже больше суток после нападения, а я за это время ни разу не смог обернуться, – убито признался рыжик. – Для серебра это слишком долгий срок. А значит, помимо него там было что-то еще.

Я тихо присвистнула. Потом так же тихо выругалась, пре-
красно представляя, чем это могло грозить молодому волку. И чисто машинально, по привычке, с досадой прикусила ма-
ячившее перед глазами мужское плечо.

* * *

На первом же привале я заставила Роара раздеться и тща-
тельно осмотрела его рану. За сутки с небольшим она замет-
но поджила, уже не порывалась кровоточить при малейшем
движении, однако до конца так и не заросла. Для лохматых
это было нетипично. Обычно их регенерация позволяла за-
живлять нетяжелые повреждения за считанные часы. Макси-
мум за сутки, если дело касалось серебра. А волчонок за про-
шедшее время не только не исцелился, но и ощутимо берег
руку, стараясь лишний раз ее не задевать.

Впрочем, насчет яда Наран не обманул – мой нос не со-
общил по этому поводу ничего плохого. А это значило, что
болты у проклятых псов и впрямь оказались заговорены, и
теперь залечить Роару руку наверняка могли лишь друиды.

– Правильно мы этих уродов перебили, – проворчала я,

оставив парня в покое. — Магия — единственная вещь, которую не способны определить наши носы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.